

современная

зарубежная

повесть

Шубхаш Мукерджи
КУДА ВЕДУТ ДОРОГИ...

45 коп.

« П Р О Г Р Е С С »

В СЕРИИ «СОВРЕМЕННАЯ
ЗАРУБЕЖНАЯ ПОВЕСТЬ»

Вышли в свет:

Е н ё И. Тершанский.
Приключения карандаша.
Приключения тележки
(Венгрия)
А. Бундестам. Про-
пасть (Финляндия)
У. Бехер. В начале
пятого (ФРГ)
Р. Прайс. Долгая и
счастливая жизнь (США)
Д. Брунамонтини.
Небо над трибунами
(Италия)
В. Кубацкий. Груст-
ная Венеция (Польша)
Ж. К. Пирес. Гость
Иова (Португалия)
П. Себерг. Пастыри
(Дания)
Г. Маркес. Полковни-
ку никто не пишет. Па-
лая листва (Колумбия)
Э. Галгоци. На пол-
пути (Венгрия)
Т. Стиген. На пути к
границе (Норвегия)
Ф. Бебей. Сын
Агаты Модино (Камерун)
М. Коссио Вудворд.
Земля Сахария (Куба)
Р. Клысь. Какаду
(Польша)
А. Ла Гума. В конце
сезона туманов (ЮАР)

Я. Сигурдардот-
тир. Песнь одного дня
(Исландия)
Г. Саэди. Страх (Иран)
Т. Недреос. В сле-
дующее новолуние
(Норвегия)
Д. Болдуин. Если
Бийл-стрит могла бы
заговорить (США)
Ф. Сэборг. Свободный
торговец (Дания)
К. Схуман. В родную
страну (ЮАР)
М. Сюэнин. Такой
была наша любовь
(Франция)
П. Вежинов. Барьер
(Болгария)
Мо Мо Инья. Кто
мне поможет? (Бирма)
К. Нёстлингер.
Ильза Янда, лет —
четырнадцать (Австрия)
Э. Базен. И огонь
пожирал огонь (Фран-
ция)

সুভাষ মুখোপাধ্যায়

কে
কোথায়
যায়

কলিকাতা-১৯৭৬

Шубхаш Мукерджи

**КУДА
ВЕДУТ
ДОРОГИ...**

Перевод с бенгали

Москва «Прогресс» 1981

Перевод *С. Серебряного* и *В. Коровина*
Предисловие *А. Софронова*
Редактор *И. Клычкова*

Мукерджи Ш. Куда ведут дороги...: Повесть. Пер. с бенгали.—М.: Прогресс, 1981.—112 с.— (Современная зарубежная повесть).

Действие новой повести известного индийского поэта и прозаика происходит в 70-е годы в поезде Калькутта — Дели. Пожилой коммунист У. Моджумдар впервые едет за границу — на лечение в СССР. В дороге он умирает, но встреча с ним круто изменяет жизнь его случайных попутчиков — бывшего экстремиста и его жены, оказывает на них сильное психологическое воздействие, заставляя задуматься о своем месте в жизни новой независимой Индии.

ИБ № 9500 Редактор *И. Д. Клычкова*. Художник *В. А. Клавсуц*. Художественный редактор *А. П. Кулцов*. Технический редактор *Е. В. Колчина*. Корректор *В. Ф. Пестова*.

Сдано в набор 7.08.80. Подписано в печать 24.12.80. Формат 70×90 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Условн. печ. л. 4,09. Уч.-изд. л. 4,06. Тираж 50 000 экз. Заказ № 693. Цена 45 к.

Изд. № 32291. Издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва 119021, Zubovskiy bulvar, 17. Можайский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. г. Можайск, ул. Мира, 93.

© Subhash Mukherjee, 1976

© Предисловие и перевод на русский язык издательство „Прогресс“, 1981.

М $\frac{70304-249}{006(01)-81}$ 120-81

4703000000

СЫН БЕНГАЛИИ

Я много раз встречался с Шубхашом Мукерджи в различных столицах Азии и Африки, а также в Москве, Ташкенте и Алма-Ате. И мне всегда казалось, что Шубхаш Мукерджи удивительно сдержанный человек. Он немногоречив на наших писательских встречах, во время самых горячих дискуссий может просидеть молча, а потом высказать в двух-трех словах свое отношение к обсуждаемому вопросу. Наверно, это впечатление у меня так и осталось бы, если бы мне не пришлось в конце апреля прошлого года присутствовать вместе с писателями других стран на заседании Секретариата Ассоциации писателей стран Азии и Африки в Калькутте. Помнится, еще в январе того же года мы увидели сияющего Шубхаша Мукерджи на заседании редколлегии журнала «Лотос» в Бейруте и слышали из его уст несвойственную ему по горячности речь о том, что самое лучшее место для встречи сейчас будет столица Западной Бенгалии — город Калькутта.

Прошло три месяца. И вот мы в Калькутте. Именно здесь почувствовали мы, что значит родная земля для такого крупного индийского поэта, каким является Шубхаш Мукерджи. Он здесь родился и вырос, этой земле принадлежит, что называется, каждая кровинка его существа.

И как всегда, первое слово у него обращено к своей родине, к матери-Индии:

Индия-мать,
ничего мы не боимся,
и кто бы к тебе ни протягивал лапы —
обрубим!
Индия-мать,
ничего мы не боимся,
и кто бы на твой алтарь ни покушался —
проучим!
Мы жизнь по-своему начали строить,
по-своему и будем строить.
Не сжатыми губами —
упрямыми, сильными руками
будем творить рассказ о нашей любви.

(Перевод С. Северцева)

Шубхаш Мукерджи (Мукхопаддхай, род. в 1919 г.) — поэт, активно участвующий в политической борьбе. Первые сборники его стихов — «Пешеход» (1940), «Чиркут» (1946), «Юго-Восток» (1948) — явились весомым вкладом в революционное движение Бенга-

лии. За ними последовали сборники: «Цветам — цветы» (1957), «Где бы я ни был» (1962), «Завтра — весна» (1967), «Люди добрые!» (1970), «Дети ушли в лес» (1972) и другие. Он поэт со своим голосом, меньше всего слепо следующий традициям старой индийской поэзии, хотя и сохраняющий в своих стихах ее аромат и ее ритмы.

В 1968 г. Ш. Мукерджи была присуждена премия Литературной академии Индии. В 1977 г. поэт удостоен международной литературной премии «Лотос». Ш. Мукерджи внимательно следит за лучшими произведениями мировой поэзии. Он перевел на бенгальский язык «Песню о Буревестнике» Горького, стихи Маяковского, Назыма Хикмета, Твардовского. Ш. Мукерджи является крупным литературным и общественным деятелем, заместителем генерального секретаря Ассоциации писателей стран Азии и Африки.

Чувство сопричастности с происходящим не только в родной Индии, но и на всем земном шаре присуще поэту-коммунисту Ш. Мукерджи. Даже как-то удивительно бывает в стихах Мукерджи читать строки, невыразимо близкие советской поэзии не только по образности, но и по существу.

...Не хочу, чтоб люди
называли меня поэтом,
до последнего мига
плечом к плечу
шагать с шагающими хочу.
А потом, присев на межу,
с трактором рядом перо свое положу.
«Вот и все! —
трактористу скажу. —
Я сделал, что мог,
дай огоньку, браток!»

(Перевод С. Северцева)

Ш. Мукерджи не только поэт. Он пробует перо и в жанре художественной прозы. В 1973 г. вышел в свет его первый роман «Голодовка»¹, вслед за ним в 1976 г. — повесть «Куда ведут дороги...», предлагаемая читателю.

Действие повести происходит в вагоне поезда Калькутта — Дели. Упендронатх Моджумдар, бенгальский коммунист, едет в Дели, чтобы затем вылететь в СССР на лечение. Человек скромный, почти всю жизнь проработавший в провинции, Упендронатх Моджумдар

¹ Мукерджи Ш. Голодовка. М., «Прогресс», 1976.

чрезвычайно взволнован предстоящей поездкой, встречей со страной, на которую обращены все его помыслы. В этом же вагоне едут молодожены Шохосеб и Татия. Шохосеб — представитель молодого поколения экстремистов; в отличие от Упендронатха он не питает теплых чувств к СССР, но преклоняется перед Китаем, нередко критикует советскую страну, принимая на веру измышления западной прессы. Работая переводчиком на радиостанции «Немецкая волна» в Кёльне, он невольно участвует в антисоветской пропаганде, хотя временами его грызет червь сомнения из-за немалой mzды, получаемой за услуги. Знакомство с Упендронатхом Моджумдаром оказало решающее влияние на духовную эволюцию Шохосеба. Простота, искренность и душевное благородство старого коммуниста сразу расположили к нему и Шохосеба, и его жену Татию. Упендронатх Моджумдар, человек глубоко и органично связанный с индийской «почвой», оказывает (сам того, может быть, не осознавая) сильнейшее психологическое воздействие на Шохосеба и Татию, подводя их к пониманию нерасторжимости с родной землей. Сила старого коммуниста — в деятельной любви к людям. «Мы стоим на берегу и рассчитываем, прикидываем, а он давно уже прыгнул в воду, не задумываясь, выплывет или потонет», — говорит о нем Шохосеб.

Ночью, в дороге, Упендронатх умирает. Люди, пришедшие на вокзал встретить его, видят, как выносят из поезда мертвое тело. Шохосеб и Татия принимают решение: они не полетят в Кёльн, а вернутся домой. И Шохосеб и Татия полны желания работать на благо своей страны, своего народа.

В повести «Куда ведут дороги...» Ш. Мукерджи продолжает тему, затронутую им в романе «Голодовка», — о человеческих качествах индийских коммунистов, об их неразрывной связи со страной и народом. Именно им, индийским коммунистам, посвятил автор строки:

В свинцовое небо гневно глядим:
будет упорною черная буря,
но наши сердца —
упорней.

Грудью порывы грозы отразим —
глубже в колючие комья вонзим
непокорные корни.

(Перевод С. Северцева)

А. Софронов

Поезд Калькутта — Дели, как и большинство поездов дальнего следования, отправлялся с вокзала Хаура вечером. На вокзал Упен-бабу¹ ехал в автомобиле. Подумать только — в автомобиле! И не в каком-нибудь такси, а в собственном «амбассадоре»! То есть, конечно, не в своем собственном, а в «амбассадоре» Гхоток-бабу. Когда-то они вместе сидели в Хизли², по старой памяти Гхоток-бабу и прислал машину.

Гхоток-бабу теперь важная персона — владелец склада пиломатериалов и роскошного мебельного магазина. А недавно он начал еще одно большое дело — строительство речных судов. Так что свободного времени у него нет. Даже на охоту, которую он так любит, Гхоток-бабу выбраться некогда. А не то бы он, наверное, сам приехал проводить старого товарища.

Впрочем, Упен-бабу не думал об этом. Откинувшись на мягком сиденье, он почтиительно рассматривал шофера, одетого в

---

¹ Бабу (бува.: господин) — прибавляется к именам индусов при почтительном обращении или упоминании. — *Здесь и далее примечания переводчиков.*

² В Хизли (Западная Бенгалия) в 1940—1950-х годах находился лагерь для политических заключенных.

форменную куртку. Время от времени Упен-бабу бросал взгляд и на свою — только что надетую — одежду: дхоти¹ и панджаби². Такой красивой и ладной одежды на нем еще никогда не было, он как будто стал совсем другим человеком. И стоило какому-то зазевавшемуся рикше загородить дорогу машине, как Упен-бабу неожиданно для самого себя вспыхнул и крикнул: «Эй, иступид!»³ Правда, он тут же опомнился и взял себя в руки.

Час тому назад такой же самый рикша вез Упен-бабу со всем его багажом от дома зятя до здания, где находится комитет партии. Зять живет в переулке Банка Рая, так что ехать было недалеко. А весь его багаж — одолженный чемодан и сумка на длинном ремне с названием какой-то авиакомпании. Упен-бабу купил эту сумку на толкучке, на углу Хэррисон-роуд.

Люди опытные, не раз бывавшие за границей надавали ему кучу советов: что надо с собой взять да как там себя вести и так далее. Но Упен-бабу не такой уж простак, каким может показаться с первого взгляда. Он очень даже себе на уме. Вежливо улыбаясь, он лишь прикидывался, что выслушивает и принимает все советы, а большую часть пропускал мимо ушей. Кроме того, ему совсем не нравилось, что товарищи

---

¹ Дхоти — мужская одежда из цельного куска ткани, концы которого обертываются вокруг ног и закрепляются на поясе.

² Панджаби — широкая и длинная верхняя рубашка.

³ Искорженное английское «stupid» — глупый, дурак.

говорили «за границу» да «за границей»... Какая же это заграница? По сути дела, своя, родная страна. Даже как-то странно, что нужен заграничный паспорт и въездная виза. Конечно, далековато туда добираться. И еще: тут тепло, а там холодно. Да у тамошних людей кожа посветлее. Вот и вся разница. А в остальном там — такие же товарищи. Разве не так?

Чемодан оказался тяжеловат. Впрочем, ничего — нести можно. Правда, в здании комитета лестница крутая, и, пока Упен-бабу взбирался по ней с чемоданом и с сумкой через плечо, у него перехватило дыхание. Гхоток-бабу сказал по телефону, что машина подъедет к комитету ровно в шесть. У Упен-бабу язык не повернулся попросить, чтоб машину прислали к дому зятя, в переулок Банка Рая. Довольно и того, что его довезут до вокзала. К тому же Упен-бабу прекрасно понимал, что Гхоток-бабу старается не ради него лично. Гхоток-бабу хочет показать, как он уважает партию. Что же, так и должно быть. Тут дело не в личностях. Да и что за личность Упен-бабу! Не эм-пи¹, не эм-эл-эй², добро бы еще он был каким-нибудь высокопоставленным и важным руководителем. А то рядовой член партии. Да еще провинциал.

Как только, тяжело дыша, Упен-бабу взобрался по лестнице, к нему с охами и ахами

---

¹ MP (Member of Parliament) — член центрального парламента Республики Индии.

² MLA (Member of Legislative Assembly) — член законодательного собрания одного из штатов Республики Индии.

подскочили два молодых человека. Он и прежде встречал их в комитете несколько раз, но по именам не знал.

— Ах, Упен-да¹! Зачем же вы сами тащили такой тяжелый чемодан?! Поднялись бы налегке да послали бы нас за ним!

Один из молодых людей подхватил чемодан Упен-бабу, а другой почтительно усадил его на скамейку. Потом тот, первый, крикнул кому-то, чтобы принесли горячего чаю.

Упен-бабу был приятно удивлен тем, как обошлись с ним эти молодые люди. А ведь теперешних молодых-то принято обычно ругать! И старших они, дескать, не уважают — если на упавшего старика наткнутся, то и не взглянут, мимо пройдут; и думают они, дескать, лишь о том, как помоднее нарядиться; и к спиртному пристрастие питают — чего только не говорят о нынешней молодежи!

Вдруг Упен-бабу с ужасом заметил, что на обоих молодых людях были териленовые брюки. Но все же всерьез разозлиться не смог. Только про себя подумал: так одеваться не пристало. Если уж ты революционер, то зачем выражаться франтом. Хотя, конечно, выглядят териленовые брюки красиво. Но в пору его юности все было по-другому. Правда, то было во времена англичан.

Выпив чай, Упен-бабу собрался было достать деньги, но молодые люди снова подскочили к нему.

---

¹ «Да» — частица, прибавляемая к имени при обращении к старшему брату или старшему другу.

— Ах, что вы, Упен-да! Не беспокойтесь, Упен-да!

И тут он увидел, что у обоих во рту — дымящиеся сигареты. Упен-бабу поспешно опустил глаза. И снова про себя подумал: не следовало бы им курить. Нехорошо, товарищи, дымить в присутствии старших. Но сразу же его одолело сомнение, можно ли товарищей по партии делить на старших и младших. Кроме того, непохоже было, чтобы молодые люди своими сигаретами хотели оскорбить его, Упен-бабу. Да и с чего бы им его оскорблять? Ведь как бы там ни было, а все они — члены одной партии.

Из своего кабинета появился секретарь. Увидев Упен-бабу, он сразу увел его к себе.

После освобождения из тюрьмы Упен-бабу тридцать три года вел партийную работу в глубинке, на чайных плантациях. В Калькутту навещался редко. Во-первых, это требовало денег. А кроме того, в огромном городе он чувствовал себя как рыба, выброшенная из воды.

И еще была одна причина. Но никому и никогда он не осмелился бы о ней сказать. Причина эта заключалась в самих калькуттских товарищах. За те считанные разы, что ему случалось бывать в калькуттском партийном комитете, у него создалось впечатление, что каждый здесь занят лишь своими делами — и не столько даже своими делами, сколько просто самим собой. Не чувствовалось между ними настоящей товарищеской спайки.

Но сегодня секретарь отнесся к нему как к очень близкому человеку. В душе Упен-

бабу зашевелилось было какое-то сомнение, однако вмиг исчезло, потому что он сразу же стал укорять себя за это. Погруженный в свои мысли, Упен-бабу машинально подвинул к себе стул — даже не услышав скрипа ножек по полу — и столь же машинально сел на него.

— Ну как, Упен-да, все, что нужно, с собой взяли? Приедете — и прямо в больницу. А уж после находитесь и насмотритесь.— И, понизив голос:— Упен-да, разве так можно?! Тяжеленный чемодан сами втащили на третий этаж!— Потом опять громко:— А вообще-то вам надо было бы ехать на вокзал прямо из дома. С вашим здоровьем...

— Дело в том... То есть мы договорились, что Гхоток-бабу пришлет машину сюда. Поэтому...

— А почему он не мог прислать машину к вашему дому?

— Я сказал ему, что хочу заглянуть в комитет на минутку — попрощаться со всеми перед отъездом...

— Вот-вот! А этот хитрец и воспользовался. Свою выгоду не упустит. Лишний раз подольститься захотел — положить цветочки к стопам партии. А вдруг когда-нибудь и окупится...

С улицы донесся автомобильный гудок.

Упен-бабу встал.

— На вокзале о вас позаботится Онукуль. Даст вам билет и посадит в поезд.

Такого с ним еще не бывало. Пока спускались по лестнице, на глаза Упен-бабу навернулись слезы. Два молодых человека не дали ему нести даже сумку.

Партия больше, чем семья, ближе, чем семья. Он говорил это много раз в своей жизни многим разным людям, потому что считал, что так должно быть.

Но сегодня он сам прочувствовал это до глубины души, и все струны его существа словно запели от радости.

Секретарь тоже пошел проводить его до машины. Упен-бабу, хоть и сказал сначала: «Да что вы, не надо!» — на самом деле был очень доволен и счастлив. Еще утром он и вообразить не мог, что выдастся такой необыкновенный день.

От гордости он ног под собой не чуял.

В детстве, бывало, он складывал праздничные подарки в подол дхоти. Упен-бабу вспомнил эту детскую привычку, и ему показалось, что сегодня подол его дхоти наполнен уважением и любовью партии — в награду за всю его жизнь. Руки, свободные от поклажи, сами собой изогнулись так, будто и вправду им надо было удерживать наполненный подол.

Упен-бабу вдруг почувствовал себя очень значительным человеком. Прежде он даже к зеленым юнцам обращался только на «вы», и с этим никто ничего не мог поделать. А теперь в него точно бес вселился. Когда они подошли к машине, он неожиданно для самого себя с важным видом похлопал секретаря по спине (тот, впрочем, был моложе Упен-бабу) и сказал:

— Ну иди-иди, занимайся своими делами.

Сказал — и сам вздрогнул. Собственный голос показался ему чужим.

Шоходеб и Татия ехали впереди всех, в машине Бикрома. Свернули на Шорот-Босроуд. Шоходеб и Бикром, старые друзья, без умолку разговаривали. Татия молча смотрела в окно на проносившиеся мимо улицы, переулки, дома.

Вот она и уезжает отсюда — и кто знает, вернется ли когда-нибудь обратно? Отъезда Татия ждала с нетерпением. Только и делала, что считала дни, оставшиеся до назначённой свадьбы. Мысль о том, что она вырвется за границу, не давала ей спать по ночам.

Она согласилась на свадьбу, еще почти ничего не зная о Шоходебё. Родители Татии и не подумали бы ее принуждать. Стоило ей сказать «нет», и свадьба не состоялась бы.

Сейчас родители Татии и ее младший брат Тукун ехали вслед за ними на такси. Оглядываясь назад, она видела, как ветер треплет седые волосы отца.

Мать Шоходеба вез в своей машине ее старший сын. Вместе с ними — невестка и трехлетняя внучка. Отец Шоходеба умер два года назад.

Сразу после его смерти Шоходеб уехал за границу. Теперь он живет в Западной Германии, работает на радио в Кёльне.

Вырулив на Ред-роуд, Бикром прибавил скорость. Шоходеб повернулся к Татии, посмотрел на нее и улыбнулся. Бедняжка! Ей, конечно же, тяжело расставаться с Калькуттой.

В прошлый раз, когда он приезжал сюда из Западной Германии, ему тоже трудно бы-

ло снова покинуть Калькутту. Потому что тогда его ожидала все та же одинокая жизнь в чужом городе.

Теперь совсем другое дело. Теперь они уезжают вдвоем — и заживут на славу. Зарботка Шохобеда им вполне хватит для безбедной жизни. А если Татия захочет, она тоже сможет неплохо подрабатывать на радио. Не захочет — не будет работать, пожалуйста, пусть учится.

Имя «Татия» Шохобеду сначала не понравилось. Оно показалось ему иностранным, вроде «Татьяны».

Однажды, когда свадьба была уже делом решенным, Шохобед высказался на эту тему в доме Татии. Целую речь произнес:

— Что ни говорите, а в выборе имен бенгальцы теперь совсем голову потеряли. Стараются отыскать имена попричудливее, будто не для живых людей, а для персонажей юмористических рассказов. Иногда такие имена попадают — ну прямо абракадабра, с души воротит. Раньше были имена как имена, а теперь невесть что.

Татия сразу вспыхнула, а ее отец сказал:

— Знаете, имя Татия никак не связано с именем Татьяна. Просто в детстве она все время пританцовывала. Я и назвал ее «Татхия»¹. Но потом, в школе, как-то умудрились потерять букву «х» — и получилось «Татия». Но я не возражал. Потому что и это имя к ней подходит: ведь она может вспыхнуть из-за любого пустяка².

¹ Татхия — космический танец бога Шивы.

² В оригинале — игра слов. «Татия» звучит как деэпричастие от бенгальского глагола «тата» — «гореть», «загораться», «вспыхивать».

Выслушав это, Татия сказала:

— Ну и ну! Целую историю сочинил.

Семья Татии очень понравилась Шоходенбу. Между родителями и дочерью — прекрасные отношения. Младшего брата от книжек не оторвешь. И все вместе производят впечатление удивительно счастливого семейства.

В одном доме с ними живет дядя Татии, младший брат отца. Поселился у них, когда был студентом колледжа, да так и остался. Своей семьи не завел. На карманные расходы зарабатывает частными уроками.

А Татии очень понравилась мать Шоходенба. Добрая, душевная женщина и без всякой экзальтации, столь часто свойственной бенгальцам. Она сама всю жизнь трудилась и хочет, чтоб невестки тоже не сидели без дела. Старшая невестка по ее совету устроила дома вечернюю школу и обучает грамоте простых женщин из соседних кварталов.

Отец Шоходенба был доктором. В молодые годы он служил в армии. Уйдя в отставку, построил этот дом, в котором семья живет до сих пор. Позже на первом этаже отец Шоходенба открыл аптеку и прославился ею на всю округу.

Аптека существует и поныне. Мать Шоходенба приглядывает за нею.

Бикром завел речь об их с Шоходеном старых друзьях и знакомых. Кроме самого Бикрома, никто из них не смог найти здесь, в Индии, хорошую работу. А Бикром неплохо владеет английским и получил работу в банке.

— Это место мне досталось только благодаря семейным связям. Хорошая работа — это значит работа в солидной фирме. А кого берут в солидные фирмы, сам знаешь. Важных и влиятельных людей много, а у них — драгоценные чада. Чуть только такое чадо оперится, ему сразу приглашение от фирмы: «Милости просим к нам работать!» И раз эти солидные фирмы процветают, значит, они точно рассчитывают, чьих отпрысков к себе надо приманивать. — Помолчав, Бикром сказал: — Да, вот еще о чем ты наверняка не слышал! Помнишь Турупа?

— Прекрасно помню.

— А помнишь ли, что его настоящее имя было Оруп? Ведь это мы в шутку прозвали его Турупом¹, когда он наказырыл задавале Дипену в день экзамена по английскому. Так вот, знаешь, как его теперь зовут?

— Не знаю.

— Орупкумар... И тебе это имя ничего не говорит? Вот что значит, ты давно не был в Бенгалии. Орупкумар — это знаменитый артист джатры². Звезда первой величины в труппе «Кали-мата»³. Его теперь знают чуть ли не в каждой деревне. Там, где выступает Орупкумар, самому Уттомкумару⁴ делать нечего. Честное слово!

Шоходеб был поражен. Возможно ли

---

¹ Туруп — козырь.

² Джатра — популярный в Бенгалии вид театрализованного представления с песнями и танцами.

³ Кали-мата — Кали-матушка, название труппы подчеркивает ее традиционный характер. Кали — одна из основных богинь индусского пантеона.

⁴ Уттомкумар — известный артист.

такое? Чтобы Туруп, этот денди, который говорил всегда только по-английски и наряжался по последней моде, вдруг занялся простонародной бенгальской джатрой? Невероятно!

Шоходеб воскликнул:

— Черт подери! Вот она, Бенгалия! Страна чудес!

Бикром восторженно подхватил:

— А то как же! Знай наших!

Машина уже подъезжала к вокзалу. Татия, услышав последние возгласы двух друзей, подумала, что Шоходеб, выходит, совсем не равнодушен к Бенгалии и не разуверился в ней, хотя недавно, сильно разозлившись по какому-то поводу, бросил в сердцах: «Что за страна! Разве здесь люди живут?!»

За недолгое время их знакомства Татия убедилась, что Шоходеб очень привязан к Калькутте. Теперь же она вдруг поняла, что он мечтает о возвращении на родину. От этого у Татии будто камень с души свалился.

Она-то сама хочет оставить Калькутту навсегда. Чтобы больше никогда не видеть ее. Никогда в жизни.

Сегодня же ночью она все расскажет Шоходебу. А там пусть он решает, возвращаться ему или нет. Что ей делать самой, Татия уже решила твердо и бесповоротно.

И как раз в этот момент Шоходеб снова оглянулся на Татию. Ее лицо со сжатыми губами показалось ему суровым и мрачным. Шоходеб сразу сам помрачнел. Но тут же успокоил себя: мало ли что привидится в неверной игре света и тени.

Держа в одной руке чемодан, а в другой билет, Онукуль провел Упен-бабу в купе. Купе было двухместное: две полки одна над другой.

Онукуль сказал:

— Садитесь, пожалуйста!— и вышел.

Упен-бабу присел было на нижнюю полку, но тут же вскочил, будто наткнулся на колючку. Больше он уже не садился и чувствовал себя неловко.

Онукуль вскоре вернулся. За ним следом шел носильщик с постелью.

— Что же, вы так и не присели? Ладно, тогда еще минутку постоит, я постель расстелю.

— Товарищ Онукуль, это, наверное, купе первого класса. Тут не полки, а какие-то диваны с подушками,— сказал Упен-бабу. Хотя он и сдерживал себя, в его голосе прозвучали раздражение и упрек.

Онукуль в ответ лишь рассмеялся.

— Ну да, первый класс. Неужели вы потому и сесть не хотите? Прошу вас, садитесь. Можете даже прилечь.

Упен-бабу удивленно уставился на него и как будто даже онемел.

Лишь когда Онукуль попытался открыть окно, Упен-бабу вышел из оцепенения и запротестовал:

— Оставьте, оставьте! И так хорошо. К тому же я непривычен к сквознякам. Могу простыть.

Онукуль сказал:

— Хорошо. Кстати, Упен-бабу, я в этом

вагоне только что встретил одного знакомого. На минутку загляну к нему и приду обратно.

Едва ступив за порог купе, он тут же вернулся, сунул руку в свою сумку и сказал:

— Так я и вовсе могу забыть... Вот был бы скандал! Лучше сразу вам все отдам.

И он начал вынимать из сумки документы.

— Вот ваш паспорт. Здесь булавкой приколота виза. А вот из-за этого проклятого штампа мне пришлось здорово побегать. Добыл его в самый последний день. Поэтому и смогли достать вам билет только в первый класс...

— А это что такое?

— О, это очень важная бумага — медицинский сертификат. Ну, кажется, все документы я вам отдал. Так я пошел?..

— Конечно, конечно, товарищ Онукуль. И зачем вам еще раз ко мне заходить? Поговорите с приятелем и от него прямо...

— Ага, прямо! Хорошо это вы сказали, Упен-да! Вам самому тогда тоже пришлось бы прямо за мной бежать. Сели в поезд, а билет-то ваш где?

На этот раз рассмеялся Упен-бабу. Протянул руку и сказал, хотя видно было, что думает он совсем о другом:

— Ну так где же в самом деле билет?

Онукуль вручил ему билет.

— Положите его в нагрудный карман. Так надежнее. И смотрите на потеряйте. А вот это билет на самолет. Его и все документы лучше запячьте в чемодан. Чемодан-то у вас запирается, я надеюсь? Ах,

только бы вам до Дели добраться! А там вас товарищи встретят и доставят куда надо и когда надо. Да, вот еще, секретарь велел передать вам конверт. Это деньги на дорожные расходы.

Упен-бабу брал все, что давал ему Онукуль, с каким-то изумленным и отсутствующим видом, не говоря при этом ни слова.

Наконец Онукуль ушел, бросив на ходу:
— Так я сейчас!

Первым делом Упен-бабу с опаской посмотрел на окно. К счастью, жалюзи было опущено. Упен-бабу боялся, как бы кто-нибудь не увидел, что он роскошествует в первом классе.

Закрыв дверь купе, Упен-бабу вытащил чемодан, вынул из нагрудного кармана ключ, который был приколот английской булавкой, и щелкнул замком.

Весь день его разбирало любопытство: что там, в чемодане? Младшая сестра Комола и Гопа, жена племянника, одолжили у кого-то этот чемодан и сами упаковали его. У всех своих знакомых, которые побывали в Европе или Америке, они допытывались: «Скажите, что надо брать с собой в Европу?» Упен-бабу наконец не выдержал: «Почему вы все «в Европу» да «в Европу»? Скажите лучше, что я еду в государство рабочих и крестьян. Вы думаете, наверное, что если «в Европу», так больше чести?» Но потом он понял, что несправедливо упрекал сестру и невестку. Они говорили «в Европу» без всякой задней мысли. Просто по привычке: раз за границу, значит, в Европу.

Упен-бабу попытался рассмотреть содер-

жимое чемодана, ничего из него не вынимая и не нарушая порядок. Сверху лежали новенькие белоснежные майки. Упен-бабу даже не верилось, что они куплены именно ему. Радуюсь, как маленький мальчик, он погладил майки тыльной стороной ладони. Какая мягкая, гладкая ткань!

За эти тридцать три года Упен-бабу никогда и в голову не приходило заводить себе чемодан или даже просто ящик для вещей. Жестяной чемодан, который верой и правдой служил ему в лагере, он оставил товарищам из партийного комитета, а сам отправился на чайные плантации налегке. Одежду, которая у него была, он тоже всю раздарил, не отдал только книги, купленные на те деньги, что выдавались в лагере заключенным. За тридцать три года он еще несколько раз попадал ненадолго в заключение или уходил в подполье, но заветные книги уберег. Вот «Капитал» Маркса, три тома, для конспирации когда-то переплетенные в обложки от дешевых романов. Все они, в чемодане, едут вместе с ним. После тюрьмы так и не нашлось времени перечитать их еще раз. В больнице, а потом в санатории времени будет предостаточно. Наконец-то он сможет воздать должное этой великой книге.

Вдруг в коридоре раздался шум шагов, и кто-то рывком открыл дверь купе. Упен-бабу вздрогнул и быстро опустил крышку чемодана, будто вор, застигнутый на месте преступления.

Оглянулся — и, к своему удивлению, увидел за букетами цветов несколько знакомых лиц. Старые приятели из Северной Бенгалии.

Все они давно пристроились в Калькутте. Кто в банке клерком служит, кто бизнесом занимается. В прошлом — члены партии. К партии теперь они не имеют никакого отношения, но к Упен-бабу сохранили дружеские чувства.

Один из вошедших сказал:

— Мы прослышали, что вы едете этим поездом, а в каком вагоне — не знали. Думали уж уходить, но, к счастью, навстречу попался Онукуль-бабу. Кто б мог подумать, что вы едете первым классом?!

То, чего Упен-бабу так опасался, как раз и случилось. Но позор был не столь велик, каким он прежде представлялся в воображении, и Упен-бабу почти спокойно смотрел на неожиданных гостей.

— Сколько цветов!.. Сколько же денег вы пустили на ветер?!

Пропустив его возглас мимо ушей, гости один за другим сложили букеты на нижнюю полку.

И в этот момент в купе влетел запыхавшийся Онукуль.

— Прекрасно! Значит, вы его нашли. Но уже пора уходить. Дали зеленый свет. Поезд вот-вот тронется.

Потом, последним выходя из купе, Онукуль торопливо бросил:

— Ну пока, Упен-да! Пришлите мне оттуда письмо с красивой маркой! — И, подмигнув игриво: — Нынче ночью, гляжу, у вас будет настоящее цветочное ложе¹!

---

¹ Цветочное ложе — то есть свадебная постель. По индусским обычаям, постель новобрачных обкладывают цветами.

Поезд тронулся, и Онукуль рванулся к выходу.

Упен-бабу поспешил выйти в коридор, но никого из провожающих там уже не было.

Вернулся в купе и тут только сообразил: верхнюю полку так никто и не занял. Значит, двухместное купе в его единоличном распоряжении.

4

Проводником в этом вагоне был человек с худым, изможденным лицом, но необычайно высокий рост и стройная фигура сразу выдавали в нем бывшего спортсмена.

Болельщики, которые лет двадцать тому назад ходили на Майдан¹ смотреть футбольные матчи, помнят, вероятно, прозвище Джора-гирджа.

В команде железнодорожников играли тогда двое знаменитых нападающих, оба по имени Гирджа, или, в просторечии, Гирджа. Известны они были не меньше, чем те две калькуттские церкви, которые стоят вплотную друг к другу и называются «Джора-гирджа»². И двух нападающих тоже стали звать «Джора-гирджа». Различали их так: один — Длинный Гирджа, другой — Короткий Гирджа. Длинный Гирджа теперь и работает проводником. После того как он повредил коленную чашечку, ему пришлось оставить спорт.

---

¹ Майдан — парк в центре Калькутты.

² Джора-гирджа — пара церквей.

Сначала трудно было работать: пассажиры его сразу узнавали и таращили глаза. Любопытные взгляды досаждали ему. Сейчас — другая досада. Никто больше не узнает. Люди забыли имя Гирджа.

А он полюбил рыбную ловлю. Частенько берет удочку и отправляется удить рыбу. Хоть в пруду, хоть в придорожной канаве. Рыбы ловится немного. Зато время проходит незаметно.

Если случается свободный вечерок, он играет в карты. А если выпадает ночное дежурство, то с ним всегда рядом книги. О природе и диких зверях. Других книг он не признает...

Одна и та же работа изо дня в день не может не наскучить. Но Длинный Гирджа придумал способ бороться со скукой. Способ этот очень простой. Во время проверки билетов он изучает пассажиров. И старается угадать, кто есть кто.

Подождав, пока пассажиры немного уgomонились и устроились в своих купе, Длинный Гирджа отправился проверять билеты.

В первом купе четверо картежников. Идет игра в три листика. Судя по запаху, перед игрой они уже заложили за галстук. Ага, так и есть: на полу стоит пустой стакан. Но пахнет тут явно не одним стаканом. Интересно, куда они дели остальные? Бутылок у них было по меньшей мере две: на полу валяются две скомканные обертки. Значит, угощали друг друга.

Вот эти двое — бенгальцы, Гангули и Чоухури. Как видно, оба — коммивояжеры.

Гангули — тот, на котором лунги¹. Наверное, он представитель какой-то фармацевтической фирмы. Из его пухлого портфеля торчат образцы лекарств. Чоудхури одет в пижаму. Спать будет на верхней полке: там валяются чертежи и маленький карманный фонарик. Чоудхури, видать, технарь, имеет дело с машинами да станками. Или продает, или чинит — одно из двух. Кожаная папка, набитая чертежами, конечно, тоже его.

Чоудхури еще молод. Рядом с ним — толстенный развлекательный журнал на бенгальском языке и еще журнал о новинках кино. Но не похоже, чтобы Чоудхури очень любил читать. По лицу видно — он человек деловой. Журналы, наверное, везет жене. Женился он не слишком давно. На руке — новенькие часы с автоматическим заводом. Наверняка подарок к свадьбе. И чемодан его, типа «амбассадор», из красной кожи тоже такой, какие обычно дарят на свадьбах. На чемодане — матерчатый чехол цвета хаки, а на чехле вышито зелеными нитками: Н. Г. Чоудхури. «Г» — это, конечно, Гопал. Значит, зовут этого Чоудхури или Нони Гопал, или Нобо Гопал. Но уж наверняка не Нару Гопал. Теперь это имя не в моде.

Гангули — мужчина средних лет, обремененный многодетной семьей и потому прижимистый. Курит сигареты-самокрутки, чтобы меньше тратить денег на курево. В карты сел играть только за компанию. А может

---

¹ Лунги — мужская одежда, состоящая из куска ткани, обертываемого вокруг бедер.

быть, шальные деньги завелись, и он решил рискнуть — а вдруг выиграет. Ведь два других игрока — люди богатые!

Длинный Гирджа проглядел список и нашел имена этих двух других пассажиров: Гупта, сорока двух лет, и Раджу, сорока пяти лет. На чемоданчике-«дипломате» Раджу написано имя полностью: Чандрашекхар Раджу. Под именем — название фирмы: Эн-Би-Джи-Ти-К°. Еще чуть ниже: Гунтур, Андхра-Прадеш. Сомнения нет, этот Раджу — бизнесмен и его бизнес — табак. «Джи-Ти» — вероятно, сокращенное «Голден Табэккоу». Гунтур славится своими табачными плантациями.

Посмотрев внимательней на пассажира, ехавшего по билету на имя Гупта, Длинный Гирджа сразу все понял. Этому пассажиру было самое большее лет тридцать — тридцать два, а уж никак не сорок два. Длинный Гирджа решил позабавиться: еще раз заглянул в список пассажиров, а потом стал пристально всматриваться в лицо этого Гупты. Тот быстро отвернулся и с отсутствующим видом уставился в окно, но пальцами нервно постукивал по картам, зажатым в руке.

Длинный Гирджа мог побиться об заклад, что этого пассажира звали вовсе не Гупта. Просто он купил билет через транспортное агентство. А агентство предварительно закупает билеты большей частью на фамилии вроде Гупта, Рай, Дас, Чоудхури, Датта и так далее. Потому что такие фамилии распространены если и не по всей Индии, то по крайней мере в нескольких штатах. Воз-

раст агентство проставляет обычно от сорока до пятидесяти лет. Если на самом деле пассажиру будет лет на десять меньше или лет на десять больше — не велика разница.

При желании Длинный Гирджа мог бы продолжить свою забаву. Если бы он еще немного посидел, с озабоченным видом изучая список пассажиров, ему бы непременно предложили пропустить стаканчик. Дело уже именно к тому и шло, но Длинный Гирджа поднялся, сказал:

— Спасибо! — и решительно вышел из купе, закрыв за собой дверь.

В коридоре сильно дуло: поезд шел на большой скорости. За окнами — непроглядная тьма. На небе — ни звезды. Наверное, тучами затянуло.

Вынув из кармана пачку сигарет «Чарминар», Длинный Гирджа остановился покурить. Достал из другого кармана дорогую зажигалку. Ее подарил ему один болельщик-почитатель двадцать пять лет назад, а зажигалка до сих пор как новенькая.

Дымя сигаретой, Длинный Гирджа увидел, что из крайнего купе в дальнем конце коридора вышел пожилой господин и, держась руками за стены, направился в его сторону. Судя по всему, этот пожилой господин шел в туалет. Очевидно, он не знал, что в том конце вагона тоже есть туалет, а не то бы не стал проделывать столь долгий путь через весь коридор. Пожилой господин сел в вагон с этой стороны — вот и заметил, что туалет здесь. Выражение лица у него какое-то странное. Уж не болен ли он?

Дверь одного из купе в середине вагона

была приоткрыта. Пожилой господин, поравнявшись с ней, остановился — наверное, увидел какого-нибудь знакомого. Но тут же пошел дальше, опасливо прижимаясь к наружной стене. Сразу понятно: он не привык ездить в таких вагонах.

Чтобы пожилому господину легче было пройти мимо него, Длинный Гирджа прижался к окну. Ну и рассеянный же, видать, этот господин! Длинного Гирджу он как будто даже не заметил.

5

Предупредив движение Шохобеба, Татия отстранилась от него, прижала палец к губам и безмолвно, одними глазами показала на дверь. Но потом все же сказала тихо:

— Погоди, сейчас придут проверять билеты.

Шохобед состроил недовольную гримасу и уныло ответил:

— Ну да, проверка билетов! Потом придет разносчик: «Ужин, мэм-сахиб?» И будем ужинать. Потом придут за грязной посудой. Потом...

Татия подхватила:

— Вот-вот! Я совсем забыла. Твой приятель Онукуль попросил нас навестить... Упен-бабу — так, кажется, его зовут. Пожилой человек, к тому же больной. И болезнь у него какая-то серьезная.

Шохобед спустился с облаков на землю.

— Да, ты права. Закажем ужин и сразу пойдем к нему. В общем-то, я совсем не голоден. Днем мы здорово наелись у тебя дома. Жаль только, что я не захватил с со-

бой несколько бутылок пива. Ну да ладно...

С этими словами Шоходеб неожиданно поцеловал Татию в щеку и столь же быстро, схватив в охапку букеты цветов, улизнул от нее в другой угол купе.

Татия почувствовала себя в безопасности и сделала вид, будто собирается дать Шоходебу пощечину, но, подняв руку, тут же ее опустила и лишь воскликнула:

— Ух, противный!

А Шоходеб как ни в чем не бывало разобрал букеты и рассуждал:

— Кто бы мог подумать, что нам наташат так много цветов? Ведь теперь, при гражданском браке, никто не устраивает цветочное ложе! Тоже мне, хитрецы! Принесли цветы, будто на проводы. Совсем свихнулись! Цветочки-розочки — это все не по мне.

Татия, занявшаяся багажом, бросила через плечо:

— Ты предпочитаешь шипы да колючки?

— Вот-вот, — передразнил ее Шоходеб, — особенно женские шпильки. Там, в Кёльне, они все время застревают у меня в постели. Сама увидишь.

Татия не смутилась:

— От моих шпилек ты еще наплачешься.

И как раз в этот момент в дверь постучали:

— Проверка билетов!

Шоходеб, открыв дверь, сказал:

— Проходите! Проходите! — и быстро сгреб все вещи, разложенные на нижней полке, чтобы проводник мог присесть.

Татия достала билеты из своей сумочки и

подумала: «Вот это рост!» А вслух сказала:

— Пожалуйста, садитесь.

— Ничего, ничего,— отвечал проводник, чуть не стукнувшись головой о верхнюю полку. Он достал свои бумаги и жестом пригласил присесть Шоходеб и Татию.

— Мистер и миссис Бошу, не так ли?

— Да.

Но Длинный Гирджа сделал пометку в своих бумагах, прежде чем услышал ответ. Он уже успел разглядеть, что молодая женщина очень хороша собой. Шоходеб в свою очередь, посмотрев на проводника, отметил, что у того прекрасная фигура. Наверняка в студенческие годы он занимался спортом — может быть, играл в футбол.

Мистер Бошу, ясное дело, живет за границей. Только недавно оттуда. На чемодане до сих пор висят багажные бирки, какие выдают в аэропортах. Бирки совсем еще свеженькие. А из вещей кое-что как будто подарено на свадьбу. Ну да, конечно же, это молодожены: в углу купе — куча цветов.

Длинный Гирджа вдруг затосковал. Миссис Бошу немного похожа на его дочь Кальяни. У Кальяни тоже была родинка. На шее, под подбородком.

Это случилось весной. Оспа. Кальяни уже совсем выздоравливала. И вдруг — сердце не выдержало. Он даже не успел с ней попрощаться. Как раз в ту ночь он спокойно пошел на дежурство. А когда через день вернулся — все было кончено.

— Спасибо,— сказал Длинный Гирджа и, тяжело ступая, вышел из купе. Шоходеб закрыл за ним дверь.

Татия подумала, что Шоходоб воспользуется возможностью и снова перейдет в наступление. Но вместо этого Шоходоб, замурлыкав себе под нос какую-то песенку, вынул из чемодана мыло и полотенце и сказал:

— Пойду умоюсь. А потом ты. Если придет «ужин, мэм-сахиб», скажи, что мы будем ужинать около десяти. Только сначала дай ему на чай, а то он заворчит, что в десять — это поздно.

Татия осталась в купе одна.

В Калькутте они были вместе только одну ночь — сразу после свадьбы. Шумное веселье с родственниками и друзьями затянулось допоздна. Шоходоб был в восторге, а Татия, конечно, радовалась еще больше его, и это только прибавляло радости Шоходобу. Как успела заметить Татия, Шоходоб вообще был веселый и жизнерадостный парень. Угрюмых и занудных людей он не любил. Когда свадебное веселье кончилось, уже поздно ночью, они пошли в спальню.

День регистрации их брака Татия установила сама, и пока что все шло так, как она наметила. К сожалению, пришлось прибегнуть к небольшому обману, но Татия обещала себе, что очень скоро она признается в этом Шоходобу. В ту ночь она прошептала ему на ухо: «Извини, пожалуйста, но сегодня еще нельзя. Я ошиблась на один день». И, отодвинувшись на безопасное расстояние, осторожно поцеловала его в губы. Шоходоб — то ли он перебрал спиртного, то ли в простоте душевной действительно ей поверил — сразу повернулся на бок и заснул.

К этой сегодняшней ночи в поезде Татия готовилась задолго. Сама достала билеты через маклера; сама позаботилась о том, чтобы день свадьбы пришелся на самый канун отъезда из Калькутты,— не надеясь ни на кого, она предусмотрела все детали.

Теперь Татия предполагала, быстро покончив с ужином, без промедления осуществить самый важный пункт своего плана, а то как бы Шоходоб не зашел слишком далеко. Кроме того, ему тоже необходимо время, чтобы все обдумать и решить, как поступать дальше. Он не должен принимать решение сломя голову или под влиянием жалости к ней. Когда Шоходоб узнает, что Татия нарочно все так подстроила, можно себе представить, что он о ней подумает! Но у Татии не было иного выхода. Впрочем, это облегчит им расставание. У Татии будет лишь одна просьба к Шоходобу — если он, все узнав, решит оставить Татию, то пусть оставит ее не ранее, чем они выберутся за границу.

Но осуществление этого важнейшего пункта плана задерживалось по вине Шоходоба. Нет, не совсем по его вине — виноват этот знакомый Онукуля, которого зовут Упенбабу.

Раздался стук в дверь.

— Ужин, мэм-сахиб?

«Ну и голосина же у этого разносчика!» — подумала Татия. Но едва она осторожно приоткрыла дверь, как в купе, чуть не сбив ее с ног, со смехом ворвался Шоходоб. Татия, опомнившись от неожиданности, изобразила сильный гнев:

— А если бы я от страха закричала?
— Ну и что было бы?
— Был бы скандал!
— Я скандалов не боюсь! А если б боялся...

Татия вмиг побледнела. Подхватив последние слова Шоходеба, она повторила их как вопрос:

— А если б боялся?..

— Просто-напросто я не был бы Шоходебом!

Татия расхохоталась — да так, что из ее глаз потекли слезы. И в этот момент снова раздался стук в дверь. На этот раз очень вежливый голос спросил:

— Сахиб, ужинать?

Шоходеб, еле удерживаясь от смеха, просунул за дверь бумажку в пять рупий и сказал:

— В десять часов! — и тут же запер купе.

Хохот одолел и его. Он пустился в пляс, точь-в-точь как герои кинофильмов на хинди, то и дело повторяя взхлеб: «Ужин, мэм-сахиб! Сахиб, ужинать!»

6

Проходя по коридору, Упен-бабу нечаянно заглянул в полураскрытую дверь одного из купе — и остолбенел от неожиданности: в купе сидел не кто иной, как Джоду-бабу! Джоду-бабу его, конечно, тоже увидел, но сразу отвел взгляд в сторону. Ни звука не произнес. Даже с места не сдвинулся. Упен-бабу, поколебавшись минуту, все же не решился заговорить первым и пошел дальше.

У окна стоял проводник и курил. Вот и он тоже уклоняется от своих прямых обязанностей: обходить купе и проверять билеты. Впрочем, кто ездит первым классом? Представители класса капиталистов. А у них небось билетов никогда не проверяют.

Возвращаясь из туалета, Упен-бабу решил все-таки зайти в купе Джоду-бабу. Что в этом такого? Ничего страшного. Мир не перевернется.

Конечно, Джоду-бабу, став членом парламента, наверняка считает себя очень важной персоной. Но не мог же он так просто забыть, что они вместе съели пуд соли в одной коммуне и как они вместе скрывались в подполье, организовывали митинги и демонстрации. Сейчас они далеки друг от друга, можно сказать, смотрят в разные стороны, но ведь как-никак, а выросли-то они оба из одного корня. И корень этот — марксизм.

Упен-бабу как решил, так и сделал. Открыл дверь купе, вошел и сразу сел на нижнюю полку рядом с Джоду-бабу.

— А, Упен-да?!— только и сказал Джоду-бабу. Что ему еще оставалось?

— Да, это я...— отвечал Упен-бабу. Он чуть было не добавил «товарищ», но язык все-таки не повернулся. Рана еще слишком свежа. Нужно время, чтобы она зажила.— Вот, товарищи послали меня подлечиться. Тут никак не поймут, что за болезнь. А я и подумал: почему бы мне не поехать. Заодно всем святым местам поклонюсь. Два дела сразу.

Джоду-бабу дернулся и вскочил, прижав

к груди подушку, будто щит.

Упен-бабу тоже напрягся, словно готовясь отразить удар.

— Вы в вашей партии только и знаете, что ездить туда за советами да заветами!

Упен-бабу отпарировал:

— Нам новые заветы не нужны. Наша партия верна тем же заветам, что и прежде. А вот тот, кто им верность не сохранил, тот от нас и откололся. И что из этого вышло? Откололись от нас, а потом еще и сами раскололись не раз и не два¹.

Джоду-бабу понял, что спорить бесполезно: только злить друг друга. К тому же поддержки тут ждать не от кого. В первом классе, известное дело, едут одни реакционеры. Поэтому он решил прекратить спор шуткой:

— Ом! Во всем мире мир! Ом! Во всем мире мир!² Ну а в остальном как дела?

Упен-бабу тоже понял, что разговора не получится: то, что сломано, словами не склеишь.

— Ну, я пойду,— сказал он,— а то припозднюсь с ужином,— и встал. На душе было горько. Но Упен-бабу не поддавался отчаянию. Значит, еще не настало время. Ломать

---

¹ Имеется в виду произошедший в 1964 г. раскол среди индийских коммунистов, в результате которого образовались две партии: Коммунистическая партия Индии и Коммунистическая партия Индии (марксистская). От КПИ(м) впоследствии откалывались различные левацкие группы.

² Ом — священный слог, часто произносимый в индуистских молитвах и ритуальных формулах. В данном случае спародирована ритуальная формула: «Ом! Мир, мир, мир!»

легко. Воссоздавать трудно.

Уже стоя в коридоре, прежде чем закрыть дверь купе, Упен-бабу помахал рукой на прощание.

Когда дверь захлопнулась, у Джоду-бабу екнуло сердце. Вот так встреча... Через столько лет!..

Увидев через раскрытую дверь купе Упен-да, проходившего по коридору, он, конечно, сразу же его узнал и лишь притворился, что не видит, потому что не был уверен, захочет ли Упен-да говорить с ним. Забыть Упен-да было невозможно. Это значило бы забыть самого себя.

Помнится, в коммуне они месяцами ели только картошку, рис и даль¹. Лишь изредка кого-нибудь из зарабатывавших друзей удавалось уговорить раскошелиться на мясо. Когда это случалось, Упен-да, засучив рукава, принимался за стряпню. По его словам, среди товарищей в лагере, в Хизли, он слыл лучшим поваром. Что правда, то правда — готовил он здорово.

И когда они скрывались в подполье, он тоже всегда был за повара.

Но в политических вопросах он не разбирался, наивен был до смешного. Не то чтобы на митинге речь произнести — его даже на партийную учебу ни разу не посылали. Так он и остался до седых волос рядовым членом партии.

Он никогда не понимал, что значит политическая борьба. Вот в чем его главная слабость. Политика — это вам не святая оби-

---

¹ Даль — похлебка из бобовых.

тель и не спортплощадка. Политика — это борьба за власть. А чтобы бороться за власть, надо, во-первых, иметь силу, а во-вторых, уметь ею пользоваться. Знать верную дорогу — это еще не все. Надо пробиваться по этой дороге вперед.

Джоду-бабу, подложив под голову подушку, растянулся на полке и подумал: «Такие люди, как Упен-да, не годятся даже для «Миссии Рамакришны»¹. Таким надо идти в «Союз служителей Индии»². Благотворительность и революция — это разные вещи. Нас многие порицают: сегодня вы, мол, одно говорите, а завтра — другое. И ставят нам в пример Упен-да и ему подобных: они, мол, на чем стояли, на том и стоят. Что ж! Правильно говорят! Меняется жизнь — меняются и наши установки. Мы не какие-нибудь там церемонные интеллигентики. Мы — партия пролетариата».

7

Первым делом Татия посмотрела на себя в зеркало. Алый пробор³ совершенно изменил ее облик. Она схватила полотенце, намочила край, стерла с пробора синдур. Снова

---

¹ «Миссия Рамакришны» — религиозно-общественная организация, основанная известным индийским реформатором Вивеканандой (1863—1902) и названная в честь его учителя Рамакришны (1836—1886).

² «Союз служителей Индии» — благотворительная организация.

³ По индусскому обычаю замужние женщины красят пробор синдуром (киноварью).

посмотрелась в зеркало — как лучше, с синдуром или без него?

В отношении одежды их вкусы с Шоходебом совпали. Ему очень нравится ее излюбленный наряд панджаби: длинная блуза из простого кхаддара¹ и узкие шальвары. Если бы в Германии не было так холодно, она и там всегда ходила бы в этом наряде. В колледже да и позже ей приходилось выслушивать много насмешек от подружек за пристрастие к кхаддару... Но Татия всегда была выше предрассудков.

Скинув шлепанцы, Шоходеб растянулся на нижней полке. Пока Татия прихорашивается в туалете, у него есть время почитать сегодняшнюю газету. В прежние времена, когда он жил в Калькутте, Шоходеб был заядлым читателем газет. По утрам он не мог приняться ни за какие дела, прежде чем не просмотрит свежую газету.

Два года он прожил за границей. И от былой страсти к газетам не осталось и следа. Тому, конечно, много причин. Прежде всего, он с детства привык к определенному типу газет, которые читались в родительском доме. Их шрифты, заставки, оформление страниц, запах — все это имело для Шоходеба какое-то таинственное очарование. Даже когда ему случалось оказываться в Дели или Бомбее, тамошние газеты не доставляли ему того удовольствия. Что уж говорить о газетах за границей! Сначала ему было трудно жить без калькуттских газет, но по-

---

¹ Кхаддар — д. мотканая материя.

степенно прежняя привычка забывалась и в конце концов забылась вовсе.

И еще ему хорошо запомнились слова Пропхулло-да. Они встречались и беседовали по утрам за чашкой чая всегда в одной и той же чайной. Пропхулло-да был намного старше Шоходеба. Он постоянно носил с собой конторскую книгу и, прихлебывая чай, не переставая писал в ней какие-то цифры.

Шоходеб и его друзья вырывали друг у друга из рук газетные страницы. Один только Пропхулло-да не принимал участия в этом и бесстрастно продолжал свои расчеты.

Пропхулло-да работал в большой газете, выходившей на английском языке. Это была очень престижная работа. За его подписью публиковалось много статей. Пропхулло-да, бывало, говорил: «Видите ли, я газет никогда не читаю. Думаете, кондитер объелся сладостями? Нет, дело не в этом. Я их не читаю по другой причине. Потому что я знаю, как делаются эти так называемые «газетные новости». Ведь и я тоже их делаю. Какая-то часть информации публикуется, но еще большая часть замалчивается. А при необходимости «новости» просто создаются. «Новости» — это пропаганда. Чтобы околпачивать дураков. Иногда это делается тоньше, иногда грубее. В чьих интересах ведется пропаганда — вот что главное!»

И еще он говорил: «Я где-то слышал, что женщины-кули, уходя утром на работу, вместе с молоком дают своим грудным детям немного опиума, чтобы те весь день вели себя спокойно. Газетчики делают примерно

то же. Вместе с «новостями» они подсовывают людям по утрам свои измышления, и люди целый день живут под влиянием этих измышлений, считая, будто это их собственные мысли».

Когда Шоходоб в прошлый раз приезжал домой из Западной Германии, ему не удалось встретиться с Пропхулло-да. Кто-то сказал, что Пропхулло-да бросил работу в газете и «ушел в леса». На Филиппинах, если человек становится партизаном, про него говорят «ушел в горы». В Бенгалии говорят «ушел в леса».

Сам Шоходоб «ушел в леса» намного раньше.

Как давно это было! Тогда многие молодые люди, усердно и успешно учившиеся, постепенно, сами того не осознавая, будто превращались в сухой порох. И достаточно было одной искры, чтобы порох вспыхнул и начался страшный лесной пожар. Шоходоб лишь один из тех многих¹.

В отличие от своего тезки, героя «Махабхараты», Шоходоб пробыл «в лесах» не четырнадцать лет, а всего лишь неполных четырнадцать месяцев². Но каждый день «в лесах» стоил многих дней обычной жизни.

---

¹ Речь идет о левацком движении так называемых «наксалитов», которые пытались вести вооруженную партизанскую борьбу против существующего в Индии государственного строя. В настоящее время это движение сошло на нет.

² Имеется в виду четырнадцатилетнее изгнание в леса героев «Махабхараты» братьев-пандавов, одного из которых звали Сахадева. Шоходоб — бенгальский вариант этого имени.

Отец тогда еще был жив.

О тех бурных событиях уже довольно много написано и сказано. Но что бы ни читал или ни слышал Шоходоб, все ему казалось неверным или по крайней мере недостаточным. Как в той притче о слоне и слепых; один схватился за ногу слона и говорит: «Это столб!», другой держится за хвост и утверждает: «Это веревка!» — и т. д. Вероятно, иное пока и невозможно: слишком мало времени прошло с тех пор, нужна временная дистанция, чтобы охватить всю картину в целом. В одном Шоходоб уверен: это проблема не только Бенгалии или Индии, это проблема общемировая. А мир следует видеть и постигать таким, каков он есть на самом деле. Иначе запутаешься в простейших вещах.

Отец однажды сказал ему: «Видишь ли, все дело в том, что твое поколение выросло уже после второй мировой войны. Вы не знаете, что такое настоящая, большая война. Теперь вот вы хотите перевернуть весь мир. А того не понимаете, что если заварить всеобщую драку, то мир просто погибнет. Нельзя возделывать землю, не построив дамбы».

Отец все понимал. Он знал, что ожидает Шоходоба впереди. Но никогда не навязывал сыну свою волю.

Тогда Шоходоб, конечно, не соглашался с отцом, но и не спорил, потому что считал, что спорить с такими, как он, бесполезно: ведь с возрастом люди ценят прежде всего покой и безопасность.

Узнав из газеты, что отец умер, Шоходоб

пришел «из лесов» домой. Той же ночью его и арестовали.

В заключении он провел около четырех месяцев. Мать и старший брат добились его освобождения из тюрьмы и быстро оформили ему документы на выезд за границу.

Шоходеба не пришлось долго упрашивать. Он рад был уехать. Сидеть в тюрьме было ужасно скучно. Юные энтузиасты из их партии, как и он побывавшие «в лесах», целыми днями нудили одно и то же. Вместо реального мира они создали себе выдуманный и требовали, чтобы все признали его за реальный.

Но, как говорится в пословице, спасаясь от тигра, он прыгнул в реку и угодил в пасть крокодила. До сих пор он не может рассказать обо всем этом даже ближайшим друзьям.

Казалось бы, работает на радио, зарабатывает большие деньги. И работа-то какая: ругать Советский Союз и его союзников! Чем плохо?!

Но с самим собой Шоходеб вполне откровенен. Когда он только поступил на радио и понял, какая от него требуется работа, он был очень доволен. И прежде, дома, он всегда ругал Советский Союз — примерно такими же словами. Теперь разница была лишь в том, что он жил за границей, переводил эти слова с английского на бенгальский, а потом произносил их перед микрофоном. Сначала он работал даже с энтузиазмом. Но когда месяц за месяцем он стал получать за свою работу кругленькие суммы, ему стало как-то не по себе. Дома, что

бы он ни говорил, это было его собственным убеждением. И деньги он за это не получал. А теперь, что бы он ни делал, все имело неприятный привкус: будто он продавался за большую зарплату.

Более того, дома он с друзьями и товарищами постоянно обсуждал различные факты, дискредитирующие Советский Союз. Теперь же он воочию увидел, что многие подобные факты создаются искусственно. Вот что было хуже всего. Работа на радио опровергла некоторые из его самых взлелеянных убеждений.

И еще он наблюдал различия между двумя Германиями — Западной и Восточной. Несколько раз он совершал поездки в ГДР и окупал все расходы тем, что привозил оттуда в Кёльн разные товары, которые на Западе были непомерно дороги. Однако разница между Западом и Востоком заключалась не только в ценах на товары, но и в человеческих ценностях. Взаимоуважение людей, отношения между мужчиной и женщиной, любовь к детям — во всем этом Запад не выдерживал сравнения с Востоком.

В Бенгалии Шоходоб и его друзья преклонялись перед Китаем. Каждое слово, исходившее оттуда, было для них свято. Но почему же Китай вдруг стал так дружить с Западной Германией? Зачем китайцы вмешиваются в ангольские дела, да еще так неудачно? Шоходоб и поныне испытывает глубокую привязанность к Китаю, но той непоколебимой веры, что была у него прежде, теперь уже нет.

Листая газету, Шоходоб остановился на

объявлениях о найме. Да, надо поскорее найти здесь какую-нибудь работу и вернуться на родину. Так или иначе, они вернутся из Кёльна через полгода, максимум через год, и накопленных денег им хватит на первое время, пока он не устроится на работу. В конце концов, дом у них есть, старший брат прилично зарабатывает, мать получает кое-какой доход от своей аптеки. И если он, Шоходоб, получит, например, место учителя, то они с Татией смогут зажить совсем неплохо.

Вдруг его взгляд упал на заголовок: «Арест бывшего журналиста». В сообщении говорилось, что некогда известный журналист, ушедший «в леса» и давно разыскиваемый полицией, наконец арестован в округе Нонапукур. Арестован среди бела дня.

Шоходоб сложил газету, бросил ее на полку и встал. Арестован? Среди бела дня? Нет, ясное дело — Пропхулло-да сам сдался полиции.

Открылась дверь, и в купе влетела Татия.

— Ах! Как я завозилась! Quick, quick!¹

Шоходоб, надевая шлепанцы, спокойно ответил:

— Не надо было так долго прихорашиваться. Ты и без того красавица.

8

В следующем купе Длинный Гирджа засмотрелся на игру в шахматы.

---

¹ Быстро, быстро! (англ.)

Один из игроков — мистер Глэн. Как и подобает молодому американцу, у него борода, усы и длинные шелковистые волосы. Но он не хиппи.

В этом же купе едет мисс Браун. Она лежит на верхней полке и читает книгу. Так увлечена, что ничего вокруг себя не видит. Судя по обложке, книга об индийском классическом танце.

Мистер Глэн играет в шахматы с мистером Латифом. В купе — тишина. Никто не произносит ни слова.

Ясно, что мисс Браун не жена мистера Глэна. Они примерно ровесники. Вероятно, оба занимаются в Индии исследовательской работой. Плетеная сумка мисс Браун набита магнитофонными кассетами. Может быть, мисс Браун изучает индийскую музыку или индийские танцы. Пальцы у нее длинные-длинные.

У мистера Глэна — фотокамера. И то сказать, было бы странно, если бы ее у него не было. Почти у всех иностранцев есть фотокамеры. А еще у них обоих, у мистера Глэна и у мисс Браун, — по спальному мешку.

Много разных чудесных вещей повидал на своем веку Длинный Гирджа, но ничто ему так страстно не хотелось иметь, как спальный мешок. В один прекрасный день он не сможет устоять перед соблазном и просто украдет спальный мешок у какого-нибудь рассеянного пассажира.

Мистер Латиф сделал очень неудачный ход. Как же мистер Глэн-то этого не видит?! Билет у мистера Латифа до Алигарха. На-

верняка он преподает в тамошнем университете. Интересно, что он преподает? Может быть, математику? Только математик может запутаться в такой простой ситуации.

Длинный Гирджа понял, что оба игрока не очень разбираются в шахматах. Иначе они не думали бы так долго над начальными ходами. В общем, смотреть тут не на что. И, чтобы нечаянно не отпустить какое-нибудь язвительное замечание, Длинный Гирджа быстро закончил проверку билетов и вышел из купе.

Но все-таки игра его увлекла: войдя в следующее купе, он не сразу услышал, что там звучит песня под аккомпанемент эктары¹.

Песню пел мужчина средних лет. На носу — очки, на запястье — часы. Брюки, рубашка. Значит, это не настоящий баул², а образованный любитель музыки из Калькутты. Он увидел Длинного Гирджу, но и не подумал прервать свою песню. Всего в купе было четыре человека — одна компания.

Длинный Гирджа сразу понял, что это не вокально-инструментальный ансамбль. Инструменты при них есть, но в основном геодезические, и еще палатки. Скорее всего, они геологи и едут в экспедицию.

Среди них одна молодая женщина. Не бенгалка. Мисс Мира Кханна. Лицо у нее очень выразительное. Сразу видно: может за себя постоять. Держится свободно. Судя по высокому росту, широким скулам, свет-

---

¹ Эктара — однострунный музыкальный инструмент.

² Баул — бродячий певец.

лой коже и короткой стрижке, да и по одежде, родом она из Пенджаба.

— Пожалуйста, садитесь!— сказала побенгальски мисс Мира Кханна Длинному Гирдже. Произношение у нее прекрасное, но тембр голоса и интонация совсем не бенгальские. Хотя, вероятно, она выросла в Калькутте.

Один из мужчин протянул Длинному Гирдже все четыре билета и, не говоря ни слова, насильно усадил его рядом с собой на полку. Этот пассажир оказался Длинному Гирдже очень знакомым. Светлокожий, и тип лица несколько монголоидный — значит, его фамилия Баруа¹. Следовательно, тот, который поет,— Мукерджи, а четвертый — Сомасундарам. Совсем маленького роста и очень темнокожий².

Длинный Гирджа часто встречал геологов в поездах. Как правило, люди они легкие, беззаботные и не прочь деньгами посорить. Мистер Баруа вынул пачку дорогих сигарет и таким широким жестом протянул ее Длинному Гирдже, что тому сказать «нет» было просто невозможно.

Сомасундарам достал две колоды карт и не спеша начал их тасовать. Наверное, собирается показывать карточные фокусы.

Вспомнил! Этот самый Баруа учился вместе с ним, Длинным Гирджей, в колледже св. Ксавье. Он, Баруа, был на два курса

---

¹ Баруа — характерная ассамская фамилия. У многих ассамцев монголоидные черты лица.

² Сомасундарам — распространенная тамильская фамилия. У тамилы, жителей Южной Индии, часто очень темная кожа.

старше. Один из самых выдающихся студентов естественнонаучного отделения! Если бы Длинный Гирджа представился, Баруа непременно также вспомнил бы его — но лишь как известного спортсмена.

Длинному Гирдже вспоминать о прошлом невыносимо. Единственное исключение — Кальяни. Он попытался сдержать тяжелый вздох, вырвавшийся из груди.

Наконец Длинный Гирджа прислушался к песне, которую пел Мукерджи:

О душа, посмотри в небеса!
Там во тьму самолет улетает
И тремя огоньками мигает.

И над ним пустота, и под ним пустота,
Только два колеса посреди живота.
Кто-то к цели его направляет,
Он летит, но куда — сам не знает.

О душа, этот мир — сумасшедший Дамдам¹.
Из него поскорей как бы выбраться нам?!
Самолет огоньками мигает,
Но и сам ничего он не знает.

Длинный Гирджа вслушался в слова и усмехнулся. Вот так песню придумал этот Мукерджи!

9

Упен-бабу постоял немного в коридоре, у открытого окна. Снаружи, из густой темноты, тянуло прохладой. Изредка вдали возникали электрические огоньки, словно яркие точки-тилаки, украшающие лоб женщины, или ритуальные пятнышки сандала, освя-

---

¹ Дамдам — международный аэропорт в Калькутте.

щающие чело благочестивого брахмана. Вдруг мимо пронеслась, как Млечный Путь, вся в неоновых огнях какая-то маленькая станция. На небе, почти в одном и том же месте, время от времени вспыхивало, как будто кто-то зажигал фонарь, чтобы разглядеть облака. Казалось, небу тяжело. Оно вот-вот обрушится на землю ливнем.

Когда Упен-бабу вошел в свое купе, неприятное впечатление, оставшееся от встречи с Джоду-бабу, почти рассеялось.

Чемодан лежал на том же месте, где он его оставил. Упен-бабу, к собственному удивлению, обнаружил, что, уходя, он, оказывается, не забыл запереть чемодан и даже закинул ключ с английской булавкой на верхнюю полку. Как будто он всю жизнь путешествовал с чемоданами по железным дорогам! А вот свет в купе и два фена, вертевшиеся под потолком, он перед уходом не выключил.

Упен-бабу достал ключ и, отпирая чемодан, предался самокритике: «В теории мы все мастера осуждать частнособственнические привычки, а дойдет до дела — сами проявляем их в мелочах. Как прочно в человеке засело «это мое, а это не мое»! Ведь было же время, когда люди не знали такого различия! Знали только одно общее «наше». Потом уже возникло разделение между людьми. У этого есть, а у того нет — и так далее».

Упен-бабу одну за другой начал вынимать вещи из чемодана. «По крайней мере страна — наша. Никто не может сказать: моя, и только моя. И при англичанах была

наша, а после ухода англичан стала тем более наша. Даже если кто-нибудь захотел бы объявить ее своей частной собственностью, ничего бы у него не вышло. И при англичанах такое было невозможно, а теперь и подавно».

Вдруг Упен-бабу застыл от удивления: «Это еще что такое?! Ну конечно, проделки Гопы. Вот негодница!»

В руках у него была баночка с кремом. Он повернулся к свету. Ах, какая красивая! Белая-белая, будто снежная вершина Канченджанги¹. Должно быть, этот крем стоит недешево. А как он пахнет? Открыть, попробовать? Нет, не стоит. Впрочем, что ж такого?! Если просто открыть, крем от этого не испортится. Он привезет его обратно Гопе. Повертев в руках баночку, Упен-бабу в конце концов открыл ее и поднес к лицу. Какой удивительный запах! Да, у Гопы есть нюх — даром что курносая. Он осторожно поддел указательным пальцем немного крема и снова втянул воздух носом. Поразительный запах!

Тут он понял, что совершил оплошность. Крем, поддетый на палец, уже нельзя было поместить обратно в баночку, подобно тому как невозможно вернуть на прежнее место зачерпнутую ложкой простоквашу, даже очень густую.

Конечно, Упен-бабу мог бы вытереть палец полотенцем. Но ему было совестно пачкать совсем новое и чистое полотенце.

---

¹ Канченджанга — горный массив в Гималаях, на границе Сиккима и Непала. Его вершина видна в Северной Бенгалии.

Пришлось смириться с наименьшим злом, и, недовольно морщась, Упен-бабу поднес палец с кремом к щеке.

В другую руку он взял зеркальце, тоже подаренное ему Гопой. Щека, к которой прикоснулся палец с кремом, ощутила приятный холодок. Лицо Упен-бабу сразу как будто разгладилось. Крем мгновенно впитался в кожу. Упен-бабу поддел на палец еще немного, потом еще немного и в конце концов покрыл кремом все лицо. Кожу освежающе холодило, и от нее исходил прекрасный запах. Упен-бабу не ожидал, что ему это так понравится.

Потом из чемодана появилась коробочка пудры. Ага, понятно! Гопя всегда считала, что у него несколько темноватый цвет кожи, и поэтому дала ему крем и пудру, чтобы он выглядел посветлее. Совсем она голову потеряла!

Но раз уж Гопя дала ему пудру, то надо попробовать, что это такое.

По крыше вагона забарабанили капли дождя. А у него в купе открыто окно! Упен-бабу быстро опустил и жалюзи, и стекло. А то, чего доброго, все купе зальет.

Он снял рубаху, потом майку — бр-р, так даже холодновато! — и щедро рассыпал пудру по всему телу. Снятую майку не хотелось надевать снова, и Упен-бабу полез в чемодан за новой.

Содержимое чемодана уже было разбросано по всему купе. Ну и кавардак он устроил! Надо будет быстро все собрать и уложить обратно.

Но сначала Упен-бабу все же нашел одну

из новых маек и надел ее. Шелковистая ткань легко облегла тело. Молодец Гопя! Знает толк в вещах. Еще она купила для него теплое нижнее белье. Надо бы и его примерить. Сказано — сделано.

Затем взгляд Упен-бабу упал на новые брюки пепельного цвета. Хороший цвет, не маркий. Примерил — и брюки оказались как раз впору. Муж Комолы Бирешшор говорил ему: «Упен-да, не беспокойтесь. Положитесь на меня. Я раздобуду вам все, что надо: териленовый костюм, шелковый галстук и пуловер. Потом сниму мерку с вашей ноги и достану вам ботинки. У меня есть знакомый в фирме «Батя», он мне поможет выбрать подходящую пару». Упен-бабу спросил: «Наверное, надо взять теплую одежду? И пальто?» На это Бирешшор, человек опытный и практичный, ответил: «Я все разузнал. Когда вы туда приедете, там будет тепло. Никакого пальто не надо. Хватит шерстяного пуловера».

Поверх майки Упен-бабу надел белую нейлоновую рубашку. Рубашки покупал ему племянник Биджит вместе со своей женой Гопой. Такую рубашку надо заправлять в брюки. Биджит несколько раз показал ему, как это делается.

— Теперь носки. Где же носки? — воскликнул Упен-бабу, невольно подражая интонациям Биджита. — Да вот же они! Куда ты смотришь?! — ответил он сам себе, на этот раз передразнивая тонкий и звонкий голосок Гопы. Его позабавила эта игра: Упен-бабу любил подшучивать над племянником и невесткой.

За носками пришел черед ботинок. Бирешшор, достав эти ботинки, уверял его, что завязывать шнурки совсем несложное дело. И верно, Бирешшор был прав: очень просто.

— Теперь надо немного пройтись,— сказал себе Упен-бабу и сделал несколько шагов из одного угла купе в другой. Ботинки громко скрипели. Упен-бабу почувствовал себя очень важной персоной.

Затем, опустившись на колени, он принялся отыскивать среди вещей пиджак. Вот так номер! Он же просил дать ему с собой пиджак, застегивающийся до горла. Неужели не дали?!

Сколько всякой чепухи ему напихали в чемодан! Какая-то дамская сумочка, шелковый шарф, пакетики с благовониями, куча безделушек из сандала, индийские почтовые марки, мешочек с индийскими монетами, кожаный кошелек с золотым тиснением, еще какая-то штука из кожи, галстуки из шелка-сырца. Это все для подарков. Говорят, во всех зарубежных странах любят сувениры из Индии.

Ладно, но где же пиджак?! А, вот он! Вытащив пиджак из-под груды вещей, Упен-бабу, к своему неудовольствию, обнаружил, что он совсем не такой, какой ему хотелось. Ведь сколько раз просил: достаньте мне пиджак, застегивающийся до горла,— и на тебе, в этом пиджаке вся грудь наружу. Биджит, правда, ему упорно возражал. «Дядюшка,— говорил он,— почему вы не хотите носить галстук? Я вам дам галстуки с готовыми узлами, их очень легко надевать

и снимать. А вообще можно и без всякого галстука, тем более что сейчас так жарко».

Теперь, злись не злись, ничего не поделаешь. Придется носить этот пиджак. Ага, вот и тот самый галстук с готовым узлом. Не забыл положить, негодник! Ну-ка, если его надеть, что за чучело получится?

Галстук надеть — и в самом деле пара пустяков. А пиджак еще легче. Ну, каково?

В полном облачении он стоял перед зеркалом. Погоди-ка, из нагрудного карманчика должен торчать платок. Порывшись в куче вещей, все еще валявшихся на полу, Упен-бабу нашел новый носовой платок и, сложив его, всунул в карманчик, оставив снаружи один угол. Так, что еще? Ага, на лацкане есть прорезь. В нее полагается вставлять цветок. Прекрасно! Выбрав из букета розу, Упен-бабу воткнул ее в петлицу на лацкане пиджака. Вот теперь действительно все в полном порядке. Что называется, комар носа не подточит.

Не отрывая глаз от зеркала, Упен-бабу щелкнул каблуками и снова голосом Биджита воскликнул:

— Шикарно, дядя! Я вам говорю: просто шикарно!

И в этот момент раздался стук в дверь. Женский голос спросил:

— Можно войти?

Вздрогнув от неожиданности, Упен-бабу почти машинально сказал:

— Пожалуйста, входите,— открыл дверь и от стыда чуть сквозь землю не провалился. У него было такое ощущение, словно

молодой человек и девушка, стоявшие в дверях, застали его раздетым.

— Можно войти?..

Откуда они его знают? И что это за люди? У девушки очень симпатичное и умное лицо.

— Меня зовут Шоходоб Шоркар, я друг Онукуля. А это Татия... моя жена.— Последние слова молодой человек произнес, несколько запнувшись, как будто с не привычки.

— Меня зовут Татия Шом.

— Значит, ты не сменила свою фамилию на фамилию мужа. Так? Это хорошо!— Упен-бабу сам не ожидал, что с такой легкостью обратится к молодой женщине на «ты».

Вскоре он, преодолев первоначальную неловкость, почувствовал себя очень естественно и в новом европейском костюме. Молодым людям он сказал:

— Видите, какой у меня тут беспорядок. Отодвиньте куда-нибудь это барахло и садитесь. Я как раз перед вашим приходом новые наряды примерял. Еду за рубеж лечиться. Наверное, придется там пробыть несколько месяцев. А вы ведь знаете, там все совсем по-другому...

Татия быстро расстелила на полу две газеты, на одну уселась сама, на другую усадила Шоходоба.

— Дядюшка...— начала было Татия.

— Дядюшка?!— передразнил ее Упен-бабу.— Не говорите «дядюшка», говорите просто Упен-да.

— Говорите? Не говорите «говорите», говорите просто «говори»,— передразнив его в ответ, сказала Татия.

Упен-бабу громко рассмеялся. Он почув-

ствовав вдруг, что в компании этих неожиданно явившихся молодых людей он и сам будто помолодел.

Шоходеб, усевшись поудобней, достал сигареты.

— Вы не возражаете, Упен-да, если я закурю?

— Нисколько. А ты, Татия?

— Думаете, если б мы возражали, он вышел бы курить в коридор?

Шоходеб, затянувшись сигаретой, усмехнулся.

— Конечно, не вышел бы. Просто не стал бы курить.— И вдруг добавил:— А между прочим, Упен-да, этот костюм вам ужасно идет.

Татия тут же подхватила:

— Я первая хотела это сказать, еще как только мы вошли. А ты, противный, меня опередил,— и шутливо ударила Шоходеба по плечу.

Шоходеб встал и поправил Упен-бабу узел галстука. Татия не хотела отставать. Она тоже поднялась с пола и, вынув платок, пахнувший духами, стерла не впитавшийся кое-где крем с лица Упен-бабу.

— Как прекрасно пахнет твой платок,— только и смог сказать Упен-бабу.

— Вам нравится? Я подарю вам эти духи,— ответила Татия и, взяв Упен-бабу за плечи, усадила его на нижнюю полку.

— А как же ты сама?

— Подумаешь, еще куплю. Ведь мы едем в Европу.

— В Европу? А куда именно? И какие у вас там дела?

Шоходеб все ему рассказал. Умолчал лишь о том, что у него за работа.

А Татия добавила:

— Снимите ботинки, Упен-да, и залезайте на полку с ногами¹. А то у нас разговора не получится.

10

Когда Длинный Гирджа закончил проверку билетов и вернулся в свое служебное купе, за окнами уже вовсю бушевал ливень. Что ж, на то и сезон муссонов!

Длинный Гирджа только рад, если во время его дежурства обрушивается муссонный ливень. Потому что тогда на остановках почти не прибывает пассажиров. А кому сходить, те все равно сойдут. В хорошую же погоду в вагон часто залезают разные безбилетники, народ, как правило, нахальный и приставучий. Наговорят с три короба, голову задурят, а под конец еще и деньги суют — устоять трудно, но потом хлопот не оберешься.

Конечно, нет на свете работы без хлопот. В каждом деле свои трудности.

А в работе на железной дороге много и интересного: сколько диковинных людей попадаетеся, сколько невероятных событий происходит! Длинный Гирджа уже не раз думал: хорошо бы завести специальную тетрадь и записывать в ней самое интерес-

---

¹ Для многих индийцев европейская манера сидеть, опираясь ногами о пол, непривычна и неудобна. Они предпочитают сидеть, поджав или скрестив ноги под собой.

ное. Ведь со временем многое забывается.

Но никогда ему не забыть те три события, которые произошли во время его работы. Первое — роды. Второе — свадьба. Третье — смерть.

Тогда он был еще совсем молодым и только начал работать проводником. Раздел¹ уже произошел, но между двумя частями Бенгалии еще не встала непроходимая стена. Поезда все время перевозили пассажиров в обоих направлениях.

Миновав Ишурди, поезд, пыхтя, повернул в сторону Сантахара. Далее он должен был следовать до Амингаона² через Лалманирхат³. Поезд сопровождала усиленная военная охрана. В вагоне было лишь несколько человек индусов. Почти все — старики да старухи. Остальные пассажиры — мусульмане. Среди индусов выделялся одетый в охрянную робу бритоголовый садху⁴, принадлежавший, видимо, к какому-то миссионерскому ордену. Высокий, широкоплечий, темнокожий, он сидел и все время читал себе под нос шлоки⁵ «Бхагавадгиты»⁶. Как толь-

¹ Имеется в виду раздел Индийского субконтинента на Индию и Пакистан в 1947 г. Бенгалия была разделена на Западную, отошедшую к Индии, и Восточную, образовавшую Восточный Пакистан (ныне Бангладеш). Раздел сопровождался кровавыми столкновениями между индусами и мусульманами.

² Амингаон — железнодорожная станция в Ассаме.

³ Ишурди, Сантахар, Лалманирхат — населенные пункты и железнодорожные станции в Восточной Бенгалии (Бангладеш).

⁴ Садху — странствующий аскет.

⁵ Шлока — стихотворная строфа.

⁶ «Бхагавадгита» — известная религиозно-философская поэма, входящая в «Махабхарату».

ко Длинный Гирджа подошел к нему, садху, не дожидаясь вопроса, вынул из сумки, висевшей через плечо, свой билет и предъявил его. Сразу видно — образованный и культурный человек.

Через какое-то время в середине вагона вдруг поднялся шум. Некоторые пассажиры повскакали со своих мест и забежали взад-вперед.

Длинный Гирджа похолодел от ужаса. Но потом увидел, что пассажиры-индусы сидят как ни в чем не бывало, и успокоился: значит, резни не будет. В чем же дело? Люди столпились у одной из скамеек. Длинный Гирджа подумал, что, вероятно, кому-то стало плохо. В его обязанности входило выяснить, что случилось, и, если можно, помочь.

Пассажиры расступились, и он увидел, что на скамейке лежит молодая женщина, а рядом сидит старик отец с седой мусульманской бородкой и в дешевом клетчатом лунги. Женщина лежала на спине, согнув ноги в коленях, и корчилась от родовых схваток, а старик, закрыв лицо руками, беспомощно плакал. Во всем поезде не нашлось ни одной женщины, которая могла бы помочь его дочери. А до следующей станции не меньше двух часов.

И вдруг к скамейке подошел тот самый садху. Сначала на его лице была полная растерянность. Потом он закричал на весь вагон:

— Неужели среди вас нет ни доктора, ни хакима¹, ни повитухи? — Подождал

---

¹ Хаким — традиционный мусульманский врач.

немного и снова крикнул:— Так есть или нет?

В ответ ему никто не отозвался. А женщина на скамейке заметалась и завопила в голос.

Тогда садху сам кинулся к ней со словами:

— Не бойся, матушка, не бойся!— и опустился на колени у ее ног. Лицо его побагровело от напряжения. Обернувшись к Длинному Гирдже, он резко бросил:— Дайте мне нож. Только прокалите его. Быстро!

Длинный Гирджа ринулся за ножом, прокалил его и бегом обратно. Подбежал, сунул нож в протянутую руку и видит: на ладони другой руки уже лежит и пищит новорожденный. А на лице садху — неземной восторг.

Вспомнив эту сцену и как бы вновь пережив ее, Длинный Гирджа улыбнулся счастливой улыбкой.

Странствующий аскет, отрешившийся от женщин и других соблазнов мира, принимал роды! А простая деревенская женщина-мусульманка на глазах у единоверцев и, может быть, даже соседей доверила плод своего чрева неверному индусу! И Длинный Гирджа был тому свидетелем. Разве такое забудешь когда-нибудь?

И разве можно забыть ту свадьбу?!

Длинный Гирджа тогда работал на линии Шеялда — Бахрампур в Западной Бенгалии. Однажды на станции Ранагхат в вагон села молоденькая миловидная девушка, сра-

зу было ясно — из беженцев. Девушка не переставая плакала и никак не могла успокоиться.

С девушкой ехал мальчик, похоже что младший брат. Он гладил сестру рукой по спине, пытаясь утешить. Но та все плакала и плакала, то тихо всхлипывая, то заходясь в рыданиях. И ни на какие расспросы не отвечала, только слезы лила.

Тогда Длинный Гирджа, а с ним еще несколько пассажиров отозвали мальчика в сторону и выспросили у него все. Выяснилось, что девушка жила до сих пор в лагере для беженцев около Ранахата, в семье своего дяди. Мальчик — ее двоюродный брат. Отец девушки живет в Дхубулии, в другом лагере для беженцев. Он велел, чтобы этим поездом девушка приехала в Дхубулию в сопровождении кого-либо из родственников. Там для нее через посредника нашли жениха, богатого пенджабца. Он хочет сегодня же сыграть свадьбу и завтра утром отправиться обратно на родину. Пенджабец такой богатый, что отцу девушки не придется тратить деньги на свадьбу. Напротив, пенджабец как будто собирается дать ему много денег на покупку земли. Вся тамошняя родня встретит девушку на станции в Дхубулии, и прямо с поезда ее поведут к алтарю. В семье дяди никто этому браку не обрадовался: нехорошо выдавать девушку замуж на чужбину. К тому же она еще очень молода. Могла бы подождать год-другой. Но что поделаешь? Если бы дядя не согласился на этот брак, ему потом самому пришлось бы выдавать племянницу за-

муж. А у него еще и свои дочери есть.

Услышав про жениха-пенджабца, Длинный Гирджа содрогнулся от ужаса. За других он поручиться не мог, но ему-то все сразу стало ясно. Чем такая «свадьба», лучше камень на шею — да в воду. На самом деле девушка попадет в лапы торговцев живым товаром, и те запродадут ее в какой-нибудь публичный дом. Длинный Гирджа подумал о своей дочери Кальяни. Она тогда только-только начинала лепетать. Но ведь и Кальяни скоро вырастет, и ее тоже надо будет оберегать от грязных лап и хищных зубов. И еще Длинный Гирджа подумал: столько людей в поезде — неужели они ничем не могут помочь этой девушке?!

То, что произошло потом, похоже было на чудесную сказку.

В вагоне ехала группа крестьян. Очевидно, они возвращались по домам с какой-то большой демонстрации в Калькутте: рядом с ними были свалены в кучу свернутые транспаранты, сложенные полотнища красной материи и древки от знамен. В той же компании были и горожане: господин с портфелем, по виду политический деятель, и несколько образованных молодых людей. Они подозвали к себе мальчика, брата девушки, и долго с ним шушукались. Время от времени к ним подходили другие пассажиры и тоже о чем-то шептались. Длинный Гирджа понял: готовится заговор.

Он пошел проверять билеты в другие вагоны. Примерно через час, когда поезд остановился в Кришнанагаре, Длинный Гирджа вышел на платформу и увидел, хотя

было уже темно, что у одного из вагонов толпятся люди и заглядывают в окна. У некоторых в руках была поклажа. Длинный Гирджа признал их: это же пассажиры из того вагона, в котором ехала девушка. В Кришнанагаре им надо было сойти, и они сошли, но почему-то не спешили отойти от поезда.

В Ранагхат поезд прибыл под вечер. Тогда еще только начинало смеркаться. Что называется, свет был как раз для смотрин. А пока поезд доехал до Кришнанагара, уже наступила летняя ночь, и в темноте мало что можно было увидеть.

До Дхубулии еще минут сорок пять. Там уже налаживают виселицу. Палач проверяет веревки и блоки: все ли в порядке, не надо ли смазать маслом поржавевшие места? А девушка будто сидит в камере смертников и затаив дыхание ждет ответа на последнее прошение о помиловании.

Пока поезд стоял в Кришнанагаре, у Длинного Гирджи были дела в других вагонах. Но мысли о девушке не оставляли его. Когда поезд тронулся, Длинный Гирджа, не в силах унять волнение, вскочил на подножку того самого вагона¹. Пассажиры приветствовали его радостными возгласами:

— Входите, входите! Милости просим!

Первым делом Длинный Гирджа направился к той скамейке, где недавно сидела

---

¹ В индийских поездах вагоны часто не сообщаются между собой, и перейти из вагона в вагон можно только на остановке.

и плакала девушка. Скамейка была пуста! У Длинного Гирджи сердце захолонуло. Где же девушка? Что случилось?

Его окликнули. Он оглянулся и увидел тех пассажиров, что возвращались с демонстрации из Калькутты. Они стали в круг и, размахивая руками, подзывали его к себе. Внутри круга видны были две свадебные шапки.

Длинный Гирджа подошел поближе и увидел удивительную картину. На полу были расстелены две газеты. На одной из них в свадебной шапке, улыбаясь во весь рот, сидел юноша. На другой газете, тоже в свадебной шапке, сидела та девушка и, опустив голову, все еще плакала. Но одета она была в новое красное сари. И плакала уже по-другому — так, как плачут от радости. Все необходимое для свадьбы было на месте: земля, цветы, листья бильвы, светильники, даже откуда-то привели старого, беззубого брахмана с колокольчиком. Руководитель группы, господин с портфелем, руководил и свадебной церемонией. Совмещая в одном лице и главного дружка жениха, и опекуна невесты, он торжественно восседал с двумя цветочными гирляндами в руках. А мальчик, двоюродный брат невесты, гордо держал в руках раковину и готов был задудеть в нее по первому слову.

Длинный Гирджа обрадовался несказанно. В кармане у него было двадцать рупий, и он вручил их руководителю, сказав, как положено:

— Благословляю!

Беззубый брахман забормотал санскрит-

ские мантры¹ и зазвонил в колокольчик, мальчик начал дудеть в раковину, и Длинному Гирдже объяснили, что произошло. От жениха до жреца-брахмана, от свадебных шапок до раковины — все было найдено в поезде, что называется, с миру по нитке. В любом поезде всегда есть пассажиры, которые едут на свадьбы, закупив те или иные свадебные принадлежности. Таких пассажиров разыскиали: у одного нашлись свадебные шапки, у другого — раковина, кто сам уступил, кого пришлось поуламывать, но в конце концов достали все, что нужно для свадьбы.

Как только поезд прибыл в Дхубулию, вся свадебная компания с радостными воплями выплеснулась на перрон. Жених, как оказалось, был сам из Дхубулии. Ему и раньше случалось видеть издалека эту девушку. Поэтому он сразу согласился взять ее в жены. По специальности он электрик, зарабатывает неплохо.

В Дхубулии стоянка поезда — одна минута. Длинный Гирджа, не спускаясь с подножки вагона, провожал взглядом свадебную процессию. А на перроне какие-то люди, не обращая внимания на веселую свадьбу, перебегали от вагона к вагону и, вытягивая шею, озабоченно вглядывались в окна, ища кого-то. Поезд тронулся, и Длинный Гирджа, хоть и был тогда уже солидным мужчиной, крикнул этим людям, как озорной мальчишка:

---

¹ Мантры — священные формулы, произносимые во время ритуальных обрядов.

— Тю-тю, улетела птичка! Не поймать вам ее теперь!

В эту поездку Длинный Гирджа захватил с собой новую книжку под названием «Trust with tiger». Автор — Шер Джанг. О таком авторе он прежде не слышал. Наверное, это псевдоним. Ведь слово «шер» значит «тигр». Когда Длинный Гирджа покупал эту книжку, он еще не знал английского слова «trust». Сегодня утром заглянул в словарь и выяснил: «trust» значит «свидание». То есть книга называется «Свидание с тигром». Наверное, потому и автор взял себе псевдоним со словом «шер».

За окнами не утихал ливень. В такую погоду читать не тянет. Одно за другим приходят воспоминания.

Это случилось, когда Длинного Гирджу отправили работать на узкоколейную линию в Северную Бенгалию. Чтобы расходов было поменьше, он и семью поселил в Силигури. А сам каждый день совершал рейсы Дарджилинг — Силигури. Там дорога проложена по горам, и поезд везли два паровоза: спереди и сзади. Вагоны всегда были набиты битком.

Однажды на станции Карсиянг в вагон внесли на носилках мужчину средних лет. Никто ничего не объяснял, но и так было видно, что у него туберкулез в последней стадии. Мужчина был гуркха¹. Во рту у

---

¹ Гуркхи — народность, проживающая в основном в Непале. Гуркхи традиционно служили наемными солдатами в британской армии.

него блестели две золотые коронки. Ехал он до Ронгтонга.

Постепенно большинство пассажиров, прихватив свои пожитки, перебралось из этого вагона в другие. Оставшиеся расселись подальше от больного.

Вместе с больным гуркхой ехала его жена. На нее страшно было смотреть. Она не плакала, нет, но с таким горестным видом сидела у изголовья умирающего мужа, что сама казалась воплощенным горем.

Длинный Гирджа не боялся болезней. Стоя у дверей вагона, он завел с гуркхой беседу. Тот понимал бенгальский, потому что когда-то жил в Калькутте. Длинный Гирджа говорил по-бенгальски, гуркха — на ломаном хинди.

Он рассказал, что во время войны побывал во многих странах. После войны и даже после того, как Индия получила независимость, этот гуркха продолжал служить в армии у англичан и воевал в Малайе. Из его слов Длинный Гирджа понял, что гуркха привык воевать и хладнокровно убивать людей, ничуть не задумываясь о том, хорошо это или плохо. Цирюльник стрижет всех подряд, не выбирая клиентов. Дхоби¹ всем стирает одежду. Так и гуркха относился к войне: это для него наследственная профессия.

Гуркха ехал в родную деревню. Он хотел провести последние дни своей жизни в родном доме. Врачи тщательно обследовали его

---

¹ Дхоби — мужчина-прачка.

и сказали, что болезнь не заразная.

О своей смерти он говорил очень просто. Конечно, ему не хотелось умирать, но никакого страха он как будто не испытывал.

Потом Длинный Гирджа отошел от гуркхи: надо было проверить билеты у других пассажиров. Вдруг из дальнего угла вагона раздался истошный крик:

— Змея!

Жена гуркхи вскочила и побежала посмотреть, что там происходит. Длинный Гирджа оглянулся и увидел: больной тоже поднялся и сел на своем ложе. Его лицо искажилось от страха.

Через несколько секунд весь вагон уже был охвачен паникой. По полу металась кобра с раздутым капюшоном. Группа смельчаков бегала за ней, другие пассажиры, смертельно испуганные, шарахались из стороны в сторону. Отовсюду только и слышалось:

— Змея! Змея! Вот она! Бей ее!—
Обо всем прочем на свете люди позабыли.

В конце концов змея была поймана и убита. И почти тут же все слышали женский вопль — это закричала жена больного гуркхи. Поскольку у всех перед глазами еще стояла только что приконченная змея, пассажиры решили, что она успела укусить несчастную женщину. Несколько человек бросились к ней на помощь, прихватив с собой веревки — чтобы наложить жгут...

Жена гуркхи билась в истерике на полу, простирая руки к двери вагона. Дверь была распахнута настежь. На скамье, где лежал гуркха, — пустая постель.

В глубоком ущелье нашли потом месиво из мяса и костей — все, что осталось от бравого гуркхи. При воспоминании об этом у Длинного Гирджи до сих пор подступает к горлу тошнота.

Совершенно ясно: гуркха не мог выпасть из вагона и никто его оттуда не выталкивал. Он *сам* открыл дверь, *сам* выпрыгнул наружу. И это было не самоубийство: гуркха спасался от змеи! Неизлечимая болезнь уже накинула петлю ему на шею. Еще немного — и палач рванул бы веревку. Но смерть на войне или смерть от болезни — для гуркхов дело обычное. Тут нет места для страха. А вот умереть от укуса змеи — к такому концу гуркха не был готов. И он не просто испугался, он потерял голову от страха.

Длинный Гирджа не перестает удивляться тому, сколь причудливо сочетаются в людях страх и бесстрашие.

11

Шоходеб был поражен тем, как раскованно и непринужденно держала себя Татия в купе Упен-да. За недолгое время их знакомства Шоходеб успел понять, что Татия задавлена множеством комплексов. Самой заметной чертой ее характера была неуверенность в себе. Татия как бы все время пыталась быть решительной и сильной, и это ей все время не удавалось.

А здесь, в купе Упен-да, Татию словно подменили. Она будто сразу стала хозяйкой и всех вещей, и самого Упен-да. Может быть, дело именно в этом старике? Может быть,

именно он какими-то тайными силами расколдовал Татию?

Татия сказала:

— Упен-да, пожалуйста, не спорьте со мной. Чемодан — это не ваша забота. Оставьте на ночь все, как есть, а я завтра утром приду и все аккуратно уложу. Прошу вас, забудьте об этом и не делайте из мухи слона.

Шоходебу уже наскучили разговоры о тряпках и прочей чепухе. Ему хотелось поговорить о более важных проблемах.

К сожалению, на этот раз он увиделся с Онукулем только на вокзале, перед самым отъездом, и не было времени вызвать его на спор. Упен-да мог бы заменить Онукуля — для Шоходеба это была последняя возможность поспорить о том, что его волновало.

В прошлый приезд они с Онукулем здорово схлестнулись. Конечно, Онукулю его не переспорить, но и ему, Шоходебу, не удалось убедить Онукуля в своей правоте.

Онукуль ему прямо так и сказал:

— С твоей казуистикой мне не совладать, но я чувствую, что ты не прав — жизнь меня учит другому.

Именно поэтому на сей раз Онукуль, хотя и знал, что Шоходеб снова приехал в Калькутту, избегал встреч с ним. И Шоходеб, что ни день мысленно вступая в новый спор с Онукулем, так и не смог поговорить с ним.

Шоходеб уже решил, с чего именно он начнет сейчас разговор с Упен-да, посмотрел ему прямо в глаза — и опешил. Лицо Упен-да имело такое младенчески бесхитростное

и простодушное выражение, какое бывает только у великих подвижников, отрешившихся от всякой мирской суеты. Узел его галстука снова ослаб и сбил на сторону. Шоходоб понял: нет никакого смысла приставать к Упен-да.

Татия встала с пола, открыла стоявшую на столе бутылку с минеральной водой, налила воды в стакан и протянула его Упен-да. Упен-да залпом выпил воду, а потом удивленно спросил:

— Как ты угадала, что мне захотелось пить?

Татия, пропустив этот вопрос мимо ушей, сказала:

— Упен-да, расскажите нам какую-нибудь страшную-престрашную сказку, такую, чтоб от нее все поджилки задрожали.

Упен-да погрузился в размышление. Очевидно, он не был завзятым рассказчиком, но и отвечать отказом на просьбу Татии не хотел. Через некоторое время он сказал:

— Ладно. Вот, слушайте. Только это не сказка, а сущая правда. Над всеми нами на тоненькой-претоненькой ниточке висит огромная, как небо, секира. Висит и раскачивается — и в любую минуту ниточка может оборваться.

Шоходобу эти слова сразу напомнили об отце. Отец тоже часто повторял притчу о секире.

Татия сказала:

— Хоть и сущая правда, а совсем не страшно.

— Выдумываете вы это все, чтобы напугать нас, молодежь. Где же тут правда?

Самая настоящая сказка!— сказал Шоходоб.

Упен-да дернулся, охнул и схватился рукой за грудь с левой стороны — там, где сердце. Татия кинулась к нему, побледнев от страха.

Но Упен-да вдруг засмеялся и захлопал в ладоши, как обрадованный ребенок:

— Вот я тебя и напугал, напугал! Хоть не за себя, а за другого, но все же испугалась!

Татия тоже рассмеялась. Шоходобу показалось, что она впервые смеется по-настоящему весело. Прежде ее смех был слишком похож на слезы.

А Упен-да обратился теперь к Шоходобу:

— Я знаю тех, кто учит тебя не признавать страха. Сами-то они прекрасно знают, что это за штука. Но они хотят загребать жар чужими руками и поэтому внушают таким, как ты: чего, мол, бояться, бояться, мол, нечего!

— Бабушкины сказки,— сказал Шоходоб совершенно спокойно и с удивлением заметил, что, вступив в спор с Упен-да, он не чувствует в себе ожесточения, которое обычно возникало у него в подобных случаях. Неужели и он, Шоходоб, начинает стареть?

Татия взглянула на часы — было уже почти девять — и сказала:

— Пожалуй, мы пойдем. Упен-да, когда вам принесут ужин?

— Я уже поел, это вы, я вижу, проголодались.

— Мы заказали ужин на десять часов,—

объяснил Шоходеб.— Но вам, наверное, пора отдохнуть...

— Не хочешь ли ты сказать,— усмехнулся Упен-да,— что мне вообще пора на покой? Мол, старый партийный хрыч, наделал дел, пора и честь знать. Так что ли?

Шоходеб искренне рассмеялся.

А Упен-бабу продолжал:

— Если б вы только знали, как мне приятно, что вы пришли посидеть со мной! Я много лет проработал на чайных плантациях. Наш партийный офис расположен в очень красивом месте. Представьте себе: сплошной стеной горы, а у самого дома стремительная горная речка. Вода бурлит и шумит день и ночь. Но разве у меня было время полюбоваться на эту красоту или прислушаться, как шумит река? Дел всегда невпроворот, целыми днями вертелся, как белка в колесе.

И вот, Шоходеб, так я и постарел — теперь иногда задыхаюсь, и еще — трудно стало переносить одиночество. Почему бы молодым, вроде тебя с Татией, не прийти и не помочь немного старикам? Видишь, я и слова не сказал, Татия сама увидела, что мне хочется пить, и подала стакан воды. А там, на плантациях, меня хоть лихорадка тряси, нет никого рядом, кто бы воды налил.

Впрочем, я не только о себе говорю и не только о чайных плантациях. Куда ни пойдешь: на шахту, на джутовые фабрики, в деревню — везде партийной работой занимаются одни старики вроде меня. А где же молодежь? Почему она не приходит на смену?

Конечно, я понимаю, у стариков свои недостатки. Но вам, молодым, надо и с себя спрашивать. Мы, старики, дальнозорки, а что под носом, можем и не заметить; больше доверяем опыту, чем юности; сломя голову уже не мчимся, а норовим поосторожнее да потихоньку — на то она и старость. А вы, молодые, на что? Вам, как говорится, и карты в руки — чего старики уже не могут, делайте вы. Так дело-то и пойдет.

Шоходеб несколько растерялся. Он хотел поспорить и в споре прояснить свои мысли, но Упен-да все повернул совсем по-другому. Татия тоже почувствовала себя не в своей тарелке: в таком разговоре она чем дальше, тем меньше могла участвовать.

Она быстро встала и, подойдя к Упен-да, сняла с его ног ботинки, а затем и носки. Упен-да ответил ей благодарным взглядом. Было видно, что он с радостью избавился и от ботинок, и от носков.

Мог ли Упен-бабу представить себе такое? Он, который взрывался от гнева, если кто-нибудь пытался коснуться его ног в традиционном поклоне, с удовольствием разрешает снять с себя ботинки и носки! Если бы Комола или Гопа услышали об этом, они бы ни за что не поверили.

И тот же самый Упен-бабу, от которого обычно слова не дождешься, который ни на митингах никогда не выступал, ни в партийных школах никогда не учился, который, как все считали, плохо разбирался в политических вопросах, теперь, разлегшись на полке, говорил и говорил и никак не мог остановиться.

— Знаешь, Татия, знаешь, Шоходоб, если бы вы меня спросили, почему я стал заниматься политической борьбой, я бы, конечно, мог много всякого наговорить и про британский империализм, и про все такое прочее. Это мне нетрудно. Но вот, если я скажу, что всему виной маленький попугайчик, вы наверняка не поверите и рассмеетесь. И тем не менее это так. Я вам сейчас расскажу в двух словах. В детстве у меня был ручной попугайчик. Он сидел на жердочке, а к одной его лапке была прикреплена тонкая цепочка. И все-таки однажды попугайчик улетел — вместе с цепочкой. Я пошел в лес его искать и по дороге встретил человека, который был сослан в нашу деревню. Мы разговорились. Потом он научил меня песням: «В тяжелые цепи нас всех заковали...» и еще «Кто согласен жить в неволе...». Пистолеты да револьверы — все это пришло гораздо позже. А в самом начале была птичка, маленький попугайчик. Я тогда впервые понял, что значат цепи, неволя и что значит свобода. Для птички, для человека или для целой страны.

Мне уже шестьдесят два года, а я совсем не чувствую себя старым или что помирать пора. С моим здоровьем... Ты смеешься, Татия? Не смейся, я искренне говорю. А то, что еду лечиться, — так это всего лишь предлог. Наш секретарь — а он намного меня моложе — сказал мне: «Почему бы вам, Упен-да, не воспользоваться этой возможностью и не съездить в Советский Союз?» Я и подумал: в самом-то деле, столько слы-

хали о Советском Союзе, столько сами другим говорим, надо же хоть раз своими глазами увидеть.

Упен-бабу вздохнул и, к удивлению Шохобеда, сам поправил съехавший набок узел галстука. Шохобед решил: можно перейти в наступление.

— Вот и увидите, что все там совсем не так.

— А ты сам-то видел?

Шохобед сжал губы, обдумывая ответ. С одной стороны, он, конечно, не верит той «информации», которую передает радио из Кёльна. И прокитайский взгляд на Советский Союз не кажется ему, как прежде, достойным доверия. Но, с другой стороны, разве надо непременно своими глазами увидеть, чтобы понять, как обстоят дела в действительности?

— То есть я совсем не к тому, что, мол, кто побывал, тот и знает, а кто не был, тот и знать не может,— продолжал между тем Упен-бабу. Он как будто угадал мысли Шохобеда.— И я не говорю, что Советский Союз — идеальная страна, без всяких недостатков. Но недостатки недостаткам рознь, все зависит от того, чьи это недостатки. Например, и у моей матери было много разных недостатков. Но у нашего заминдара их было гораздо больше — столько, что и не счесть. К недостаткам матери у меня было одно отношение, а к недостаткам заминдара совсем другое. За мать я переживал, мне хотелось, чтобы она стала лучше, ее недостатки к ней не шли, они не были частью ее самой. А заминдара я про себя поносил на

чем свет стоит. Все его недостатки были как раз оттого, что он — заминдар.

Упен-бабу говорил, пристально глядя на Шохобеба, а Шохобеб внимательно его слушал — и ни тот, ни другой не заметили, как поразили Татию слова Упен-бабу о своей матери.

Повернувшись к Татии, Упен-бабу продолжал:

— Ты не сомневайся, Татия, я и двадцать лет назад сказал бы то же самое. И вот еще что: я повидал в жизни много, но, наверное, не обо всем, что видел, могу судить безошибочно. Однако опять-таки ошибки ошибкам рознь. Я сам живу так, будто плыву по незнакомой реке в лодке с шестом. Не знаю, понятно я сказал или нет. То есть продвигаюсь как бы на ощупь, попытка за попыткой. Зацепился шестом за дно — значит, хорошо, лодка плывет. Не зацепился — ладно, еще и еще раз попробую. Я ж не на службе. В моей работе нет отбоя. Никто мне не скажет: «Все, конец, садись и отдыхай!»

Большинство моих сверстников, друзей детства и юности — кроме тех, что подделали год своего рождения, — уже на пенсии. Некоторые в религию ударились, другие продолжают деньги зарабатывать, и многие из них ходят к гадалкам, чтобы те им по руке гадали, судьбу предсказывали. А я не верю, что можно предсказать будущее. Впрочем, даже если бы мне точно сказали, что кто-то умеет предугадывать будущее, я бы к такому человеку ни за что не пошел. Какая радость: узнать сегодня, что будет завтра! Не так ли, Татия?

— Неужели это вам совсем не интересно?— спросила Татия.

— Что за интерес — прежде смерти знать, когда умрешь?

Шоходебу пришлось по душе эти слова. Он воскликнул:

— Прекрасно сказано!

А Упен-бабу подхватил:

— Но дело не только в этом, Шоходеб. Можно ли предсказывать будущее или нет, мне гадание не нравится еще вот почему.— От возбуждения Упен-бабу поднялся и сел на полке, поджав под себя ноги.— Если обо всем, что будет, знать заранее, какой тогда интерес жить? Мы всегда спрашиваем: а что потом, что потом? Убери из жизни это «а что потом?», и в ней не останется никакой радости, никакого восторга. Ведь жизнь на каждом шагу поражает нас неожиданностями.

Ты на меня, Шоходеб, не обижайся, я вот что скажу. Вы все время кричите: «Ошибки! Недостатки!» К чему кричать? Ведь это только от машины можно требовать, чтобы она работала без погрешностей. А в человеке слиты воедино и недостатки и достоинства, сам ошибается, сам же и исправляет свои ошибки. Без ошибок разве было бы движение вперед? Разве знали бы мы, что такое радость открытия?

Длинный Гирджа посмотрел на часы — было почти десять. Вагон-ресторан, наверное, уже совсем опустел.

Ну и холод же сегодня! Понятное дело — такой ливень! Из пассажиров пока что никто не сошел. У официантов из вагона-ресторана сейчас много работы: носятся по вагонам с подносами. На подносах — в основном стаканы и бутылки с легкими напитками и содовой водой, иногда еще и лед. Легкие напитки — это, конечно, лишь для вида. У себя в купе пассажиры раскупают напитки покрепче. А официантам переплаждают хорошие чаевые.

Гупта, наверное, диабетик: он по меньшей мере раза четыре вылезал из купе и ковылял в конец коридора. Ему, значит, и пить-то нельзя. Вот Раджу — этот, видать, мастер выпить. Всего раз вышел из купе — быстро туда, быстро обратно и ничуть не шатался. Крепкий мужик!

А геологи всей компанией ушли в вагон-ресторан. Чинно прошествовав по коридору, они легкими кивками и сдержанными улыбками приветствовали Длинного Гирджу. Кто бы поверил, что они так раскованно веселились в своем купе!

Для многих теперь веселье — в бутылке. Как только захотелось повеселиться, вытащил пробку — и порядок, сразу весело стало. Будто веселье — это какой-то стандартный продукт, который производят в массовом количестве на заводах и разливают по бутылкам. И очень жаль, что из-за этих мерзких пьяниц такая прекрасная вещь, как вино, пользуется плохой репутацией. А не то бы...

Впрочем, нет. Во время работы об этом и думать не стоит. Чуть дашь себе поблажку — и пиши пропало.

Кстати, он давно не был в кино. Хотя, с другой стороны, и смотреть-то теперь нечего. Есть всего два-три режиссера, которые делают приличные фильмы, а остальное все — чепуха. Мать Кальяни раньше была большой любительницей кино. Бывало, зовет его с собой, а он говорит: «Не хочу смотреть всякую чушь!» — и тогда она звала соседок и шла в кино с ними.

Какая веселая и жизнерадостная она была, а потом, после смерти Кальяни, вся сникла. У них уже не хватило смелости заполнить эту зияющую пустоту. Возраст не тот. Пусть лучше все остается, как есть. Время пройдет — и боль утихнет.

Длинный Гирджа попытался выглянуть наружу, чуть приоткрыв жалюзи на окне, но тут же снова опустил их: еще немного, и ветер сдул бы все его служебные бумаги. Ну и погода! Небо будто вовсе обезумело. Но, с другой стороны, хорошо, что такой дождь: земля совсем высохла. Теперь можно будет пахать. Пусть поля зазеленеют, а то на них давно уже и смотреть тоскливо.

Длинный Гирджа вдруг подумал про себя: «Если кто-нибудь меня спросит, куда я еду, я отвечу: «Я-то в Могул-сарай, а вот вся страна куда?»

И правда, иногда кажется, что страна движется неизвестно куда. Будто она села не в тот поезд. И самое страшное — нет такого контролера, который мог бы это обнаружить. Был бы хоть билет — тогда можно было бы

узнать, куда надо ехать на самом деле. Но ведь и билета даже нет.

Длинный Гирджа усмехнулся. А если так: билетов нет, но контролеры есть — вот жилось бы тогда контролерам!

Вагон-ресторан, наверное, уже закрыли. Во всяком случае, все пассажиры из его вагона уже вернулись в свои купе.

У Длинного Гирджи от сидения затекли ноги. Он встал, походил по служебному купе, немного размялся. Говорят, у спортсменов, когда они уходят из спорта, неизбежно развивается ревматизм. Длинный Гирджа очень боится ревматизма. Главное — все время держать себя в форме, не расслабляться и как можно больше двигаться. Поэтому Длинный Гирджа решил еще раз обойти вагон.

В купе геологов свет уже был потушен. Из-за двери доносился храп. Длинный Гирджа остановился, прислушался. Ну и храп! Прямо целый оркестр! И какие разнообразные звуки! Длинный Гирджа подумал: «Чем не тема для научной работы — «Храп и его разновидности» или «Типология храпа».

В другом купе, очевидно, горела маленькая лампочка над полкой. Значит, кто-то не спит — читает на сон грядущий.

Вдруг в коридор вышел официант, держа в руках поднос с посудой. Из какого же он купе? Неужели из того, где пара молодых? Ну да, из того самого! Вот ведь молодежь зеленая! Ничего еще не понимает. За окном — ночь и ливень. Вагон слегка покачивается. Давно бы им пора погасить свет! Чудачки, да и только!

Шоходеб и Татия быстро покончили с ужином, съев все дочи́ста. Напоследок Шоходеб нечаянно звякнул вилкой о тарелку. Татия тут же воскликнула:

— Тарелка звенит — хозяин не сыт! — И Шоходеб в ответ покачал головой, как бы говоря: хорошо поел, но мог бы и еще. После этого Шоходеб уселся поудобнее на полке и закурил сигарету.

— Эх, растяпа же я! Забыл прихватить с собой бетель. В Европе его днем с огнем не сыщешь. Дураки эти господа европейцы. Даже не знают, что за штука бетель и какого удовольствия они себя лишают.

Шоходеб поднял голову, пытаясь выпустить изо рта дым кольцом, и в этот момент ему на колени упал небольшой сверток.

— Что это? — спросил Шоходеб и, развернув бумагу, увидел аккуратно уложенные листья бетеля. От радости он даже забыл про сигарету.

— Откуда ты это взяла?

— С неба свалилось, — ответила Татия. — А если по правде, мама дала.

— Вот за что я люблю твою мать, — сказал Шоходеб. — Она к другим относится, как к себе самой.

— Да-да, а к себе самой как к другим, — проговорила Татия почти неслышно, и Шоходеб даже не обратил внимания на эти слова, тем более что одновременно раздался стук в дверь. Шоходеб быстро встал, отворил

дверь, сунул официанту в руки поднос с посудой и еще немного чаевых, а затем закрыл дверь и запер ее.

Татия бросилась к Шоходебу и обвила руками его шею.

— Бедный Упен-да,— сказала она,— его, наверное, никто никогда не ласкал. Я чуть-чуть погладила его по голове — и он сразу уснул, совсем как ребенок.

Шоходеб представил себе спящего Упен-да и задумался: «Мне все хотелось втянуть его в спор о теории, но для него важнее всех теорий — жизнь. Мы стоим на берегу и рассчитываем, прикидываем, а он давно уже прыгнул в воду, не задумываясь, выплывет или потонет. У нас — расчет, а у него — чувство, порыв. В нашем расчете есть большая доля эгоизма, а его порыв — это самопожертвование».

Шоходеб настолько погрузился в свои размышления, что даже не заметил, как Татия, уткнувшись ему в плечо, вдруг заплакала. Он думал: «Упен-да недаром вспомнил про попугайчика. Эта птичка, наверное, до сих пор живет у него в душе и, как священную мантру, повторяет: «Неволя — свобода, неволя — свобода», это будто стук его сердца».

Наконец Шоходеб заметил, что Татия плачет: слеза капнула ему на ногу. Что ж, почему бы ей не поплакать. Это вполне естественно.

Для индийской девушки выйти замуж — значит оставить родной дом и начать новую жизнь в чужом доме. Правда, Татия хоть и на чужбине, но будет жить в своем доме.

Они начнут свою семейную жизнь точь-в-точь как европейцы.

И все же Татии пришлось расстаться с отцом, матерью, братом, с домом, где она выросла, а главное — с родиной. Когда Шоходоб в первый раз покидал родину, он и сам расплакался. Теперь-то, конечно, другое дело. Хоть и больно уезжать, но радость оттого, что они едут вдвоем, гораздо сильнее боли.

Однако странно: когда Татия прощалась с родителями, Шоходоб не заметил в ее глазах ни одной слезинки. И ей как будто даже не надо было сдерживать слезы. Значит, Татия — человек большого самообладания. Или радость и у нее заглушала боль разлуки? Трудно сказать. Помимо всего прочего, у Татии очень скрытный характер.

Но вчера вечером, на свадебном торжестве, Татия преобразилась. Она была главной заводилой и закрутила такое веселье, что никто и не заметил, как время перевалило далеко за полночь. А ведь это была их первая ночь после свадьбы! Татия весь вечер пела песню за песней и одновременно успевала следить за тем, чтобы никто из друзей Шоходоба не оставался с пустым бокалом. И сам Шоходоб не был обделен ее вниманием. Он изрядно выпил и, едва добравшись до постели, сразу уснул. Татия еще что-то прошептала ему на ухо, но что — он не понял, потому что был уже во власти сна.

Так почему же Татия вдруг расплакалась теперь?

Сначала она плакала беззвучно, потом

стала всхлипывать и наконец разрыдалась в голос.

Интересно, а что Татия думает о нем, о Шохобеде?

Женщин у него было уже немало. В Европе — это само собой, но начал он гораздо раньше, еще когда ушел «в леса».

В те дни он постоянно носил при себе пистолет. Но не так уж редко случалось и откладывать его в сторону.

Он тогда думал: «Смерть ходит по пятам, жить осталось, может быть, лишь несколько мгновений — так, пока живешь, надо взять от жизни все, что можно». И если ему представлялся случай, он жадно наслаждался, как голодный, который боится, что не успеет насытиться. У соратниц Шохобеда было такое же чувство: лови мгновения, пока живешь.

Физическая смерть не настигла Шохобеда, но однажды он вдруг почувствовал, что жизнь «в лесах», то поднимавшая его на вершину блаженства, то низвергавшая в пропасть тоски, готовит ему смерть духовную.

А женщины «в лесах» были такие, что смотрели смерти прямо в глаза. Куда до них этим европейским неженкам, привыкшим искать в жизни одни удовольствия. На чужбине Шохобед одержал много легких побед.

И сейчас он утешит эту милую капризулю. Не говоря ни слова, Шохобед крепко обнял Татию и, приподняв ее, осторожно усадил на нижнюю полку. Татия сразу опомнилась: еще немного — и будет поздно. Поэтому она сказала как можно внушительней:

— Шоходерб, у меня к тебе очень важный разговор.

Но Шоходерб, не размыкая рук, ответил:

— У меня к тебе тоже очень важный.— После этого он от слов перешел к делу, и Татия не могла ему не покориться.

14

Татия крепко спала, одной рукой обняв Шоходерба за шею. Шоходерб осторожно поправил ее растрепавшиеся волосы и поцеловал Татию, чуть прикоснувшись губами к ее лбу. Потом еще более осторожно он отстранил ее руку и тихо-тихо встал. Татия все так же безмятежно спала.

Не зажигая света, чтобы не разбудить Татию, Шоходерб на ощупь отыскал на столике сигареты и спички, положил их в карман, на цыпочках подошел к двери, без звука открыл ее, вышел в коридор и столь же бесшумно затворил за собой.

Ему захотелось открыть в коридоре окно. Но прежде надо было закурить сигарету, не то ветром сразу погасило бы спичку.

С зажженной сигаретой во рту Шоходерб обеими руками схватился за оконное стекло и потянул его вверх. Снаружи ворвалась струя холодного воздуха.

Дождь все лил и лил как из ведра, но ветер утих, и уже можно было стоять у открытого окна, не рискуя промокнуть. Легкие брызги, попадавшие внутрь, лишь освежали лицо.

Что это там, вдалеке? В темноте не разобрать. Может быть, гора. А может быть,

облако. Два часа ночи — значит, поезд идет по Бихару. Здешние места Шоходэбу плохо знакомы. Хорошо бы все-таки, чтобы это была гора. Она внесла бы разнообразие в пейзаж, а то все равнина да равнина.

Вдруг Шоходэб подумал: женитьба — это не просто очередная забава для разнообразия. Татия как бы мягкая глина. И ему предстоит вылепить из нее чудесную статую.

Татия заставила его почувствовать большую ответственность за себя самого и свою жизнь. До сих пор он жил в общем-то очень легкомысленно. Даже его уход «в леса» был своего рода игрой; каким он ушел «в леса», таким и вернулся оттуда.

Теперь Шоходэбу предстоит изменить самого себя. Да! Изменить, пересоздать и себя, и Татию, подобно тому как человек, преобразая природу, преобразается сам.

Шоходэб — Пуруша, а Татия — Пракрити¹

Он понял, почему Татия так спешила ему что-то сказать.

Они лежали рядом на полке, потушив свет, и Татии было в самую пору уснуть. Но, хотя она и лежала неподвижно, Шоходэб чувствовал, что Татия не спит. Он поднес ладонь к ее лицу — глаза Татии были широко раскрыты.

Тогда Шоходэб положил руку ей на плечо и спросил:

— Так что ты хотела мне сказать? Что-то очень важное?

---

¹ Пуруша и Пракрити — понятия традиционной индусской философии, которые можно приблизительно сопоставить с такими понятиями, как «дух» и «материя», «сознание» и «природа».

— Было важно, но ты не стал слушать. Теперь для меня это уже не так важно.

— А для меня все равно важно! Ну-ка, выкладывай...

Татия закрыла глаза ладонью и сказала:

— Все эти дни я готовилась к тому, чтобы поговорить с тобой начистоту сегодня ночью, прежде чем ты действительно станешь моим мужем. Я сочинила длинную речь и почти выучила ее наизусть. Но сейчас я все позабыла и никак не могу даже собраться с мыслями. Впрочем, ладно, скажу, как получится, а ты попытайся сам разобраться...

Ты знаешь всю мою семью: отец, мать, мы с Тукуном и двоюродный брат отца. Пять человек, замкнутый мир нашего дома. Есть и еще какие-то родственники, но они никогда к нам не приходили, да и мы никого никогда не навещали. Так и жили впятером в четырех стенах.

И вот однажды я поняла, что тот, кого я с детства считала своим отцом, на самом деле мне вовсе не отец. И Тукуну он тоже не отец. А настоящий наш отец — жалкий приживала, который живет в нашем доме как бы из милости и которого все вокруг презирают...

На этом месте Шоходоб чуть было не прервал рассказ Татии. Выходит, она совсем не представляет себе, что за человек Шоходоб. Она думала, что от ее слов для Шоходоба, как гласит поговорка, солнце затмится и «Махабхарата» осквернится. Вот так Татия! Как она могла подумать такое?! А поговорка про «Махабхарату» тут и в самом деле кстати. Ведь в самой «Махабхарате»

подобных историй сколько угодно, и ничуть она от этого не оскверняется.

Короче говоря, Татия из мухи сделала слона. Шоходоб уже хотел прямо так и сказать Татии да для большей убедительности еще и отшлепать ее, как ребенка, но потом подумал, что, пожалуй, прежде следует взглянуть на всю эту ситуацию глазами самой Татии.

Между тем Татия продолжала свой рассказ, и Шоходоб не стал ее прерывать — пусть выговорится до конца.

— Взрослые думают, что дети ничего не замечают, ничего не понимают, а на самом деле это совсем не так. Дети все видят, все слышат, но, боясь старших, притворяются, будто им ничего не известно. Я не помню, когда я сознательно поняла тайну нашей семьи, но с самого раннего детства я росла с ощущением какого-то неблагополучия. Мать и отец были будто чужие друг другу. А соседи и знакомые часто вглядывались в мое лицо и говорили: «На отца она совсем не похожа!» И кто-нибудь при этом добавлял, с мерзкой улыбкой поглаживая меня по голове: «А с чего бы ей быть похожей на него!»

Двоюродного брата отца я называла «Пока»¹. Вслед за мной и Тукун стал его так называть. А получилось это имя будто само собой. Мама, как и положено, называла брата отца «Тхакур-по»². Мне бы следовало его называть «Кака»³, но я, слыша, как мать

---

¹ Пока — насекомое, червяк.

² Тхакур-по — младший брат мужа.

³ Кака — дядя по отцовской линии.

говорит «Тхакур-по», еще когда была совсем маленькая, сложила два слога: «по» и «ка» — и получилось «По-ка». А отец, обращаясь к нам, детям, стал нарочно называть своего брата «По-ка», особенно в присутствии матери. Так, бывало, и спрашивал: «А где По-ка?», «Дома ли По-ка?»

Однажды я тоже внимательно всмотрелась в лицо Тукуна. Сомнений у меня не осталось. Я-то сама больше похожа на мать, но Тукун — вылитый По-ка.

Я боялась приглашать кого-либо к нам в дом и поэтому вообще мало с кем общалась. Если кто-нибудь начинал со мной дружить, я старалась побыстрее его отвести. Представь себе: у меня совсем нет друзей. В школе и колледже все думали, что я просто зазнайка: хорошо учусь и считаю себя лучше всех.

Домой я возвращалась так, чтобы не встретить никого из соседей. Если в трамвае на меня смотрел какой-нибудь юноша, я поспешно отворачивалась. Я вообще не выносила, когда мне смотрели в лицо.

Отец и мать до свадьбы работали вместе в одной фирме. Отец был крупный босс. Потом они поженились. Сейчас отец на пенсии, а мать продолжает работать и сама стала боссом. Отца гложет зависть.

Сколько я помню отца, он, вернувшись с работы, всегда как привязанный сидел дома. На работе, я слышала, подчиненные страшно боялись его. Никто не смел повыситься в его присутствии голос. А дома он тихо сидел в своей комнате и никуда из нее не выходил. По вечерам он вынимал из маленькой

жестяной коробочки черные шарики и сосал их. Шарики доставал ему По-ка. Бывало, придет, сунет мне в руку пакетик и скажет: «Ну-ка, бегом, отнеси это старшему брату!»

Потом только я узнала, что это был опиум. Отец запивал опиум стаканом молока, поудобнее устраивался в кресле и погружался в чтение какого-нибудь детектива. Или иногда в одиночестве раскладывал пасьянс. Ужинал отец также всегда один, в своей комнате. Я никогда не видела, чтобы мать ужинала вместе с отцом или хотя бы сидела рядом с ним, когда он ел. Еду в комнату приносил отцу повар.

Ни у матери, ни у отца никогда не было никаких друзей. Никогда в наш дом не приходили гости. При этом отца вовсе не тянуло куда-нибудь на сторону. Я подозреваю, что до свадьбы отец, что называется, много гулял и совершенно истощил свои силы. Мать об этом, может быть, и не знала. Ей хотелось иметь представительного, солидного мужа. Она вышла за отца замуж и тут-то, видимо, и обнаружила его несостоятельность. В это время подвернулся По-ка, и ему пришлось дать матери то, чего уже не мог дать старший брат.

Об отце я и не говорю, но даже от матери я никогда не видела ласки. Никогда не праздновали день моего рождения. Других девочек учили танцам или плаванию, меня — нет. В нашем доме даже не было радиоприемника. Только По-ка иногда заводил свой старый граммофон. Я никогда не училась пению. Все песни, что я знаю, выучила со старых пластинок.

Знаешь, Шоходоб, и я, и Тукун — мы оба родились в каком-то проклятом доме, в котором никто никого не любит, хотя все очень нуждаются в любви.

Отец мне всегда казался сущим дьяволом, мать — дьяволицей, а По-ка — и в самом деле какой-то сороконожкой. Что же касается Тукуна, то разве он сможет вырасти человеком в этой отравленной атмосфере?

И не думай, что я — чудесное исключение в своем семействе. Я и себя не могу считать вполне человеком. Потому что нельзя стать человеком без любви. Пусть я родилась не в любви — так часто бывает. Но ведь я не знала любви и потом. Я знала один только страх. И часто думала: неужели мне никто не может дать любовь вместо страха?

А сегодня этот старик... Сама не пойму, в чем тут дело, но встреча с ним что-то во мне переменяла. Ты будешь смеяться, но это как будто любовь с первого взгляда. До сих пор никто так не раскрывал передо мною свою душу. Ведь и ты, и я, и все мы свою душу прячем от других. Боимся, как бы нас не разоблачили. И вот впервые я увидела человека, который не боится раскрыть свою душу другим. Не боится, потому что он полон любви. И любовь его — не от слабости, а от силы. Силой своей любви он готов преобразить весь мир.

Жалко, что Упен-да уезжает за границу. А то бы, знаешь, что я сделала? Я бы не стала удирать с тобой за тридевять земель. Я бы уговорила Упен-да, чтобы он взял меня с собой — жить и работать где-нибудь...

Ну хотя бы на чайных плантациях. Да! Для начала подошли бы и чайные плантации. Там я постепенно смогла бы изменить, преобразить самое себя. И я бы никого не бросила: ни отца, ни мать, ни несчастного дядю и, уж конечно, ни Тукуна. Преобразив себя, я бы преобразила и их всех. И даже тех, кто тогда мерзко улыбался, глядя меня по голове. Я бы всех преобразила... все преобразила...

Пока Татия говорила, Шоходеб не проронил ни слова, только время от времени междометиями давал ей понять, что внимательно слушает.

Когда же Татия, выговорившись, умолкла, Шоходеб поцеловал ее в лоб — будто поставил тилак на счастье — и сказал серьезно:

— Очень хорошо! Но ты забыла об одном... — Продолжать не было смысла: Татия крепко спала.

Шоходеб вдруг понял, что он уже не смог бы жить без Татии.

И еще он понял: любовь не заложена в человеке от рождения. Она не предопределена линиями на ладони. Человек должен до любви дорасти и добыть ее для себя.

Любит ли он Татию? В темноте пустого коридора, как бы перед самим собой робея, Шоходеб молча кивнул головой.

А любит ли Татия его? Шоходеб не знал, что ответить.

Хоть он и молод, но ему еще предстоит потягаться с этим стариком.

Лодка плывет по реке. Лодка с навесом. Под навесом темно, ничего не видно. Только слышно, как волны бьются о лодку и весла по воде — хлоп, хлоп. Лодка качается на волнах. Глаза слипаются.

Нет, это не лодка качается на волнах. Это мать качает его на руках.

Мой сыночек золотой,
Словно месяц молодой,
Спи, моя отрада!
Кроме мамочки родной,
На земле и под землей
Ничего не надо.

По железной крыше стучит дождь...

Я сына перед сном причесала,
В колыбели его укачала...

В небе гром гремит — это бог кричит.

Голубок, голубок,
Где же мой сынок?
На охоту пошел,
Ничего не нашел.
Думал счастье найти —
Заблудился в пути
И в яму — бултых!

Нет, это не мать его на руках качает, это он сам идет — и качается, спотыкается. Кто-то хлопает в ладоши. А он спотыкается, но идет.

Топ-топ, я иду,
Ножками ступаю,
Топ-топ, я иду,
А куда — не знаю.

И снова качается колыбель.

На волнах колыбель раскачаю,
Моего малыша укачаю...

На реке волны — будто кобры с раздуты-
ми капюшонами. Волна за волной. Кобра
за коброй.

Посмотри-ка, сестра,
Как лиана хитра —
Вокруг дерева обвивается,
Ядовитой змеей притворяется.

На дворе сезам
К земле клонится,
Мама по вечерам
Лакшми¹ молится,
Шиве поклоняется,
В доме прибирается.

«Кто к нам пришел?»—«Мама, это я!»

Прилети, прилети, птичка-попугайчик,
Погляди, погляди, какой у нас мальчик.

«Мама, мама! Попугай зернышки клюет!»
Но как птицу ни корми, она все рвется на
волю. А в лесу — тьма кромешная. «Мама,
мне страшно!»—«Не бойся, сынок, не
бойся!»

Вурдалак — мне свояк,
Ведьмы лесные — сестры родные.

Сарасвати² поклонимся,
Чернила разведем,
Сарасвати поклонимся
И в школу мы пойдем.

Ма-ма, ре-ка, во-да. Во-да бе-жит. Лис-

---

¹ Лакшми — богиня счастья и богатства.

² Сарасвати — богиня мудрости и искусства.

ток дро-жит.

Дождик, дождик, перестань,
По окну не барабань.
Солнышко, посвети, посвети,
Облако отведи, отведи.

И снова он в лодке, под навесом. Темно, ничего не видно. Только слышно, как волны бьются о лодку и весла по воде — хлоп, хлоп.

Вдруг качка прекратилась. Может быть, лодка пристала к берегу?

Сквозь сон Упен-бабу почувствовал, будто кто-то положил ему руку на лоб. Не открывая глаз, он пошарил у изголовья. Никого. Еще пошарил. Нет, в самом деле никого. Значит, почудилось.

В полураскрытые глаза ударил свет. Уже утро? Упен-бабу рывком поднялся и сел на полке. Нет, еще не рассвело. Это в купе горит лампочка. И все-таки чья-то рука лежит у него на лбу! Упен-бабу провел ладонью по лицу и волосам. Опять никого. Значит, он просто не совсем еще проснулся. Надо бы выпить воды. Он встал, налил воды в стакан и выпил.

Упен-бабу не помнил, когда ушли Татия с Шоходебом. Наверняка после того, как он заснул. Поезд остановился на какой-то станции. Дождь все лил и лил. Но теперь звук был иным, потому что вода ударялась о платформу. Глаза слипались. Упен-бабу потушил свет в купе.

Оказывается, он лег в том самом костюме, который примеривал вечером. Не снимать же его теперь. Глаза сами собой закрывают-

ся. Положив голову на подушку, Упен-бабу сразу уснул.

...Во дворе растет священный тульси. От жары все листья на нем высохли. Над тульси подвешена глиняная плошка с дыркой. Из плошки вода — кап-кап, кап-кап. Рядом — подпорки для плетей тыквы, чуть дальше — грядки с огурцами. На бамбуковом частоколе — закопченные кухонные горшки. А на двери кухни молочник записал мелом, сколько ему должны за молоко. У порога дома рисовой мукой нарисованы стопы Лакшми — на счастье.

Нет, это не стопы Лакшми, это на белой ткани красной краской — ступни матери¹. Старшая сестра вырыла ямку, привораживала жениха, а теперь в этой ямке горит огонь, и на том огне варится в горшке еда для поминок. И вода из плошки капает на засохший тульси — кап-кап, кап-кап.

«Пену², посмотри, это божья коровка. Поклонись ей — она приносит счастье». — «А тебе на руку, сестра, сел мотылек — это к свадьбе!»

Под окном цветок цветет —
Скоро ли жених придет?

Эх, жених, женишок,
Проглотил потрошок...

«Пену, давай поиграем в жмурки! Муха-

---

¹ В Бенгалии существует обычай сохранять кусок ткани с отпечатками ступней женщины, умершей раньше мужа.

² Пену — уменьшительное от Упен, Упендронатх.

слепуха, кружи, жужжи, кого ухватишь, того держи. Раз, два, три...»

«Пену, поймай мне жучка — стеклянные крылышки. Я крылышки оторву и приклею ко лбу, стану красивой... Пену, сорви мне ягодку! Дареное заберешь — в попрошайки попадешь... Пену, не смотри на меня прищурившись, а то поссоримся... Врун-врунище — крысиный хвостик!»

Правый глаз дрожит — это к прибыли. Тарелка на пол упала — кто-то к нам едет.

Паланкин несут, паланкин качается —
Молодая жена к мужу собирается¹.

Дождь идет, по крыше колотит.

Милый братец, прощай,
Обо мне вспоминай!

Далеко ль бежишь ты,
Дорогая речка?
Из родного дома
Принеси словечко.

Колеса по рельсам стучат, поезд сестру привез.

Яма у Ями ищет защиты,
Брат у меня ищет защиты,
Ямы врата для брата закрыты².

---

¹ Индусская девушка после свадьбы могла еще несколько лет жить в родительском доме и только потом переселиться в дом мужа.

² Яма — владыка мира мертвых в индийской мифологии. Он был первым человеком, который умер. У Ямы была сестра-близнец Ями, и от этой первой пары людей произошел род человеческий. Данное заклинание произносится во время праздника «братьев и сестер», когда сестры поздравляют братьев и дарят им подарки.

«Вот тебе, братец, спелые финики, вот кислый тамаринд и сладкое манго...» — «А вот тебе, сестра, зола из нашего очага».

Колеса по рельсам стучат, поезд сестру увез.

Небо, ты чье? — Твое! — Облако, ты чье? — Твое! — А воздух? — Твой! — И дождь? — И дождь тоже твой!

Отец идет, закрыв уши руками. На нем — охряная роба садху. Отец кричит: «Брахма¹ — истина, мир — ложь!»

А сын его одет в полосатую одежду арестанта. Сын читает стихи Тагора:

Свобода — в отречение? Нет, это не
для меня.
Я обрету свободу и кандалами звеня².

За решеткой — не человек в полосатой одежде. Это тигр мечется в клетке. Тигр? Или все же человек? И в решетчатой полосе света — тень от виселицы.

Потом издалека надвигается песня «Бандэ матарам!»³. Тень виселицы блекнет и исчезает.

А в лесу свободный тигр разрывает в клочья чью-то охряную робу.

...Красиво убранная комната. Кресло-

---

¹ Брахма — абсолют в индийской религиозной философии.

² Перевод Н. Стефановича.

³ «Бандэ матарам» («Поклоняюсь матери») — песня, ставшая гимном движения за независимость Индии.

качалка. И человек, упавший из кресла на пол ничком. На террасе дома плачет ребенок, мать успокаивает его, прижимая к груди.

Неужели эта мать — Соня?

Когда Упен-бабу приехал сюда, мать Сони сама была грудным ребенком. Как изменились с тех пор чайные плантации!

Отец Сони, Дукхонти, не имел ничего, кроме набедренной повязки.

Раньше Дукхонти и такие, как он, даже не понимали, хорошо им живется или плохо, не знали, что называется страданием, а что — счастьем. О счастье, впрочем, они и теперь имеют лишь смутное представление. Но зато страдания уже не принимают безропотно. Они осознали свои права и могут за них постоять.

Дукхонти, мать Сони, Соня и ее ребенок — вот они все тут, рядом.

Помните, как на станции Сантахар вербовщики загоняли завербованных рабочих, будто диких зверей, в клетки-вагоны?

Потом эти дикие звери, научившись бороться за свои права, стали людьми. А люди, выжимавшие из рабочих на плантациях семь потов, действительно превратились в зверей.

Листья чая, вы чьи?— Ты собираешь нас — значит, твой!— Земля, ты чья?— Ты живешь на мне — значит, твоя!

На этой земле. Да, я живу на этой земле. Эта страна — моя. Я связан с нею всем своим существом. И духом, и телом.

Лодка качается на волнах. Мать качает меня на руках.

На засохший тульси из дырявой плошки вода капает — кап-кап, кап-кап.

Вот увидишь, Дукхонти, на засохшем тульси скоро появятся новые листья!

16

Следующая станция — Могул-сарай.

Длинный Гирджа решил: нечего зря время терять, надо до Могул-сарая успеть побриться, и тогда весь день — никаких забот. Погода нынче такая, что утром душ принимать все равно не захочется.

А если к утру дождь перестанет, то можно будет выкроить пару-тройку часов и съездить на автобусе в Бенарес. Бхароти все время пишет ему в письмах: «Дядюшка, ведь ты то и дело бываешь в Могул-сараяе, почему же никак к нам не заедешь хоть на часок? Сейчас у нас гостит мама и останется тут до июля».

Сбривая щетину со щек, Длинный Гирджа подумал: «За весь день только во время бритья и удастся посмотреть самому себе в лицо. Да и то скрючившись перед зеркалом». Вообще от высокого роста много неудобств. Иной раз зазеваешься и чуть голову не расшибешь о притолоку. А если случается ночевать в чужом доме, то бессонная ночь обеспечена: редко у кого находится такая кровать, с которой у Длинного Гирджи не свисали бы ноги.

Будто звезды в ночном небе, среди черной щетины проблескивают седые волоски. Это

первые весточки от смерти.

А Кальяни ушла без единой весточки. И от нее — никаких вестей.

После бессонных ночей Длинному Гирдже очень часто приходят мысли о смерти.

Недавно он брал почитать у одного пассажира книжку африканских сказок. И там была сказка под названием «Откуда взялась смерть».

«Сначала не было ничего. Только пустота и темнота. И жил в темноте бог-смерть с женой и дочерью. Дочь эта была у него единственная.

Но в пустой темноте что за жизнь? И бог-смерть создал себе пристанище — огромный океан с глиняными берегами. Пришел однажды туда бог-творец и удивился: «Разве тут можно жить?! Ни деревца, ни души живой, ни даже единого огонька!» Сказав так, он прежде всего осушил часть океана и создал землю. Потом озеленил ее растениями и населил зверями и разной другой живностью. Так бог-творец создал этот мир.

А бог-смерть только посмеивался. Пригласил к себе бога-творца и угостил его разными яствами.

Бог-творец увидел дочь бога-смерти, влюбился в нее и решил на ней жениться. Но бог-смерть не захотел отдать ему дочь в жены, и уговорить упрямого отца никак не удавалось. Тогда дочь бога-смерти убежала от родителей с богом-творцом.

Они поселились на краю мира, поже-

нились и зажили счастливой семейной жизнью.

И родились у них дети. Одни белые, другие черные. Но каждый говорил на своем особом языке, и мать с отцом этих языков не понимали.

Бог-творец не знал, как быть, и отправился к тестю. Тесть ему сказал: «Это все я так устроил, чтобы у вас спеси поубавилось. Пусть белые работают головой, а черные — руками, добывая себе на пропитание. И следи за тем, чтобы белые женились на белых, а черные — на черных».

Так и было сделано. Поженившись, дети расселились по всему миру.

Но темнота была, как и прежде. Тогда зять послал к тестю гонцов: перепела и петуха.

Бог-смерть сказал им: «Ладно, научу вас петь. С вашей песней будет наступать рассвет и люди будут отправляться на работу».

С тех пор каждый день солнце появляется по утрам и заходит по вечерам. Ночью же, чтобы не было совсем темно, на небе светят луна и звезды.

Потом бог-смерть позвал к себе богатворца и сказал ему: «Ты украл у меня единственное дитя, но я все же выполнил все твои просьбы. Теперь тебе придется выполнить одну мою просьбу. Когда бы я ни захотел, ты должен будешь отдавать мне своих детей. Когда мне понадобится кто-либо из них, они будут слышать во сне мой зов и по это-

му зову пусть сразу отправляются в путь.

Бог-творец не мог не согласиться...»

Длинный Гирджа поднял оконные жалюзи и опустил стекло. Дождь по-прежнему лил. Но тьма уже готова была вот-вот рассеяться и уступить место свету.

Поезд прибыл на станцию Могул-сарай и остановился у платформы.

Длинный Гирджа посмотрел в окно: воды на платформе немного, но, чтобы ноги промочить, вполне хватит. Кажется, лучше все же выйти из дальней двери, и, подхватив свою сумку, Длинный Гирджа зашагал по коридору.

Все двери купе закрыты. Дождь — хорошее снотворное, особенно если он льет всю ночь напролет и до самого утра. Пассажиры, должно быть, преспокойно спят и знай себе посапывают. Ни из-под одной двери не пробивается свет. Гупта и компания, конечно, спят крепче всех: с вечера здорово выпили, им до полудня не встать. В первом купе и подавно спят, известное дело — молодые. Старик Моджумдар? Нет, этот тоже еще не проснулся. И вряд ли его кто-нибудь разбудит: в такой дождь никто не придет занимать свободную полку в его купе.

Длинный Гирджа ступил на платформу, и из-под ботинок полетели брызги. Он сразу решил: нет, в такой день не пристало ехать в священный город Бенарес.

Проснувшись, Татия вынула часы из-под подушки и зажгла ночник. Ого! Уже двадцать минут десятого! Ну и заспалась же она!

Татия отбросила ногой одеяло, встала с полки, подняла оконное стекло. Поезд, медленно набирая скорость, отходил от платформы. Это был уже Аллахабад.

На верхней полке зашевелился Шохосеб. Не открывая глаз, он спросил:

— Что за станция?

— Аллахабад.

Шохосеба будто подбросило:

— Не может быть! Аллахабад уже проехали?— Сокрушенно качая головой и изобразив на лице великую скорбь, он воскликнул: — А я-то, несчастный, хотел купить в Аллахабаде два сера¹ манго! Теперь все пропало!— И он снова растянулся на полке, укрывшись одеялом.

Татия сказала:

— Уже половина десятого. Вставай-ка побыстрее, а то нам и чаю не достанется.

— Не может быть! Половина десятого? А ну-ка, покажи часы!

Татия подошла к полке и протянула Шохосебу руку с часами. Шохосеб неожиданно схватил Татию за руку и привлек к себе. Татия не очень сопротивлялась. Пытаясь высвободиться из объятий Шохосеба, она с улыбкой сказала:

— Погоди, дай хоть окно закрою!

---

¹ Сер — мера веса, около 1 кг.

В вагон-ресторан они вовсе не опоздали. Хотя было уже половина одиннадцатого, утреннее чаепитие еще только начиналось. Очевидно, и остальные пассажиры проснулись поздно.

Татия и Шоходеб заняли последний свободный столик — в самом дальнем конце вагона-ресторана. Сначала они сели лицом друг к другу, но потом подумали, что если кто-нибудь к ним подсядет, то трудно будет разговаривать, и Татия села рядом с Шоходебом.

За соседним столиком трое мужчин и девушка вели непринужденную беседу — как видно, одна компания. Девушка привлекла внимание Татии. Говорила она по-бенгальски, но со странным акцентом. И все у нее было какое-то небенгальское: брюки, мужской кошелек, который она то открывала, то закрывала, и, наконец, сигареты «Чар минар», которые она заправски курила. Но при этом девушка держалась так естественно и непринужденно, что Татию в ее поведении ничто не покорило. Напротив, Татия подумала, что вот именно такие девушки, твердо стоящие на собственных ногах; могут утереть нос мужчинам.

Затем, без всякой как будто связи с этими своими наблюдениями, Татия тихо сказала Шоходебу:

— Хоть сегодня и пасмурно, но на душе у меня удивительно хорошо.

Шоходеб ответил:

— В том-то и разница между мужчинами и женщинами. Женщины всегда все понимают чуть позже. У меня еще со вчерашнего

дня на душе чудо как хорошо.

Татия, оставив этот выпад без ответа, спросила:

— А заказ ты уже сделал? Нам надо бы побыстрей, ведь я обещала утром зайти к Упен-да.

— Чтобы привести в порядок его купе?

— Нет, его чемодан,— уточнила Татия.

Шоходеб подозвал официанта, сказал:

— Два завтрака; один чай, один кофе,— и добавил:— Кофе — черный!

За окном разворачивался индустриальный пейзаж: какой-то промышленный комплекс и на дорогах, ведущих к нему, потоки автомашин.

Шоходеб сказал, будто размышляя вслух:

— Да, как бы там ни было, а страна развивается, растет, богатеет.

Татия вставила:

— Богатеют богатые, а бедные только беднеют.

— Вот мы как раз и хотели вступить за тех, кто беднеет. Готовы были жизнь отдать... Впрочем, свою отдали не все, а чужих жизней забрали порядком. И что же вышло? Мы были похожи на детей, которые во что бы то ни стало хотят привлечь к себе внимание взрослых: кричат истошно или игрушки ломают. Нас и успокоили — кого лаской, кого таской...

Официант принес завтрак. Размешивая в чашке сахар, Татия вдруг сказала:

— Вы ринулись в бой сломя голову. А нельзя ли достичь того же долгой и упорной работой?

— Как Упен-да?— Шоходеб с сомнением покачал головой.

— А почему бы и нет?

Она никогда не думала, что способна беседовать на подобные темы.

Татия в долгу перед Шоходебом. Он научил ее любить жизнь. Татия никогда и не предполагала, что жизнь может быть так наполнена радостью. И счастье в том, чтобы делиться этой радостью с людьми.

Сегодня утром ей все вокруг нравится. Даже эта европеизированная девушка с сигаретой в руках: она живет по-своему прекрасно — с гордо поднятой головой.

Вдруг впервые в жизни Татия почувствовала, что любит всю свою семью: отца, мать, дядю, Тукуна. Татия вдруг поняла, что она всегда на все смотрела лишь со своей колокольни, лишь с точки зрения своего «я». Теперь надо попытаться взглянуть на жизнь их глазами и воспринять ее так, как они воспринимают. Отец, мать, дядя — они как бы запутались в огромной паутине, и у них нет сил выпутаться из нее.

Татия поняла: выйдя из скорлупы своего «я», она может обрести в себе самой такую силу, которая движет горы.

Шоходеб сказал:

— Ниггу ир!¹ Как бы нам не опоздать.

На одной из остановок бывший друг Упена Моджумдара, а ныне член парламента Джо-

---

¹ Поспеши! (англ.)

ду-бабу позвонил по телефону в Дели, в партийный комитет, и сообщил обо всем. Поэтому на перроне в Дели собралась целая толпа.

Упен-бабу вынесли из вагона. Сначала несли его очень медленно, то и дело останавливаясь: людям на перроне некуда было расступаться.

В толпе спрашивали друг друга:

— Да кто же это? Кто это?

— Коммунист. Коммунист из Калькутты.

— Понятно, что коммунист. А имя-то его как?

Услышав имя, люди недоуменно качали головами: нет, никогда, мол, о таком не слыхали. Значит, он человек неизвестный, и толкаться тут на перроне особого смысла нет. Толпа постепенно редела.

Но многие успели заметить нечто новое в столь привычном зрелище. Упен-бабу был в европейском костюме и даже в галстуке. На ногах, наверное, носки и ботинки, но они скрыты под покрывалом.

Член парламента Джоду-бабу шел вслед за своим старым другом, опустив голову и глядя себе под ноги. На плече — сумка, в руках — чемодан.

Мира Кханна и три других геолога, погрузив свой тяжелый багаж на тележку, молча шествовали к выходу.

Позади всех шли Шоходоб и Татия. Двое носильщиков несли их багаж. Шоходоб поддерживал Татию под руку.

Те, кто пришли встретить Упен-бабу, приглаживались к молодым людям. Ведь именно они, Татия и Шоходоб, большую часть

пути провели рядом с Упен-да. И все цветы, подаренные им к свадьбе, они отнесли в его купе.

Привокзальная площадь была вся в красных знаменах. Людей собралось столько, будто должен был состояться массовый митинг или мощная демонстрация.

Один из тех, кто пришел встречать Упен-бабу, подозвал такси, погрузил в него багаж Шохобеба и Татии и сказал им:

— Садитесь, пожалуйста!

Молча, будто в каком-то полусне, они сели в такси, на заднее сиденье. А рядом с водителем — тот человек, который вызвался им помогать.

По площади двинулось траурное шествие.

Джоду-бабу стоял с чемоданом в руках и не знал, что ему делать, куда идти. Но когда процессия уже прошла мимо него, он, словно спохватившись, побежал следом.

А в такси тот, что сидел рядом с шофером, сказал, обернувшись:

— Вы можете переночевать у нас, в партийном комитете. Ведь вы улетаете завтра, не так ли?

Этот вопрос как будто вывел Шохобеба из оцепенения, в котором он пребывал до сих пор. Шохобеб посмотрел на Татию, она ответила ему взглядом. Без единого слова они прекрасно поняли друг друга, и Шохобеб тихо сказал:

— Мы не летим. Мы вернемся поездом в Калькутту.

